

ЗАПИСКИ
КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Книжка XXII, выпускъ 4-й.

А. Н. Дьячковъ-Гарасовъ.

АБАДЗЕХИ.

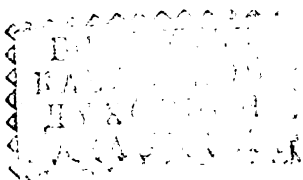
(Историко-этнографическій очеркъ).

ТИФЛИСЪ.

Типографія К. П. Козловскаго, Головин. просп., № 12.

1902.

Печатано по распоряженію Распорядительнаго Комитета Кавказскаго
Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Абадзехи.

(Историко-этнографическій очеркъ).

I.

Географическій обзоръ Абадзехи: границы, орографія, гидрографія, климатъ, почва, флора, фауна, ископаемыя, минеральныя воды.

Территорія Абадзехи, по даннымъ 1830—1864 годовъ, занимала пространство въ 7150 квадратныхъ верстъ.

Западная ея граница шла по р. Шебшу, по притоку послѣдняго Догуай, по р. Псекабе, т. е. отъ нынѣшняго селенія Шабановскаго, мимо станицы Ставропольской, до нынѣшняго сел. Григорьевскаго. Близъ послѣдняго сходились границы владѣній трехъ адигейскихъ племенъ: абадзеховъ (абедзахъ), шапсуговъ (шапсугъ) и бжедуховъ (бжедугхъ). *Сѣверная* граница проходила близъ станицъ Калужской, Пензенской, Бакинской, Черноморской, Черниговской, Пшехской, затѣмъ подымалась вверхъ по Бѣлой (Схагуаше, по-абадзехски), проходила мимо Майкопа далѣе черезъ р. Фарсъ къ р. Псефиру (Псефюръ, по-абадзехски). *Восточная* подымалась вверхъ по Псефиру, пересѣкала истоки Ходза и Чегса и мимо горы Тхачь подходила къ горѣ Шугусу (10642 фута). *Южная* шла по Главному хребту.

Указанныя границы были предѣльными; расширеніе ихъ шло въ сѣверо-западномъ направленіи, по мѣрѣ того, какъ абадзехскій народъ оттѣснялъ на сѣверъ бжедуховъ и на западъ шапсуговъ. Кромѣ указанныхъ племенъ съ абадзехами сосѣдили хатукаевцы (хатюкай), темиргоевцы (кэмгуй), егерукаевцы (егерукой), махашевцы (махашъ)—на сѣверѣ; на востокѣ—бесленевцы (бесленей), баракаевцы (браккый), тамовцы (тамъ), баговцы (багъ); на югѣ—убыхи.

Абадзехія страна горъ по-преимуществу. Контрфорсы Главнаго хребта здѣсь значительно выше шапсугскихъ и натухайскихъ хребтовъ, гдѣ высшими пунктами служатъ горы Маркотхъ (2276 ф.) и Папай (2591 ф.): въ предѣлахъ Абадзехи находимъ слѣдующія высоты: Ауль (6063 ф.), Оштенъ (9358 ф.), Фиштъ (8360 ф.), Абаго (10631 ф.), Шугусъ (10642 ф.).

Рѣка Бѣлая, берущая начало въ сѣвѣгахъ Шугуса, дѣлила Абадзехію на двѣ неравныя части. *Западная* была очень густо населена и составляла основную часть области абадзеховъ, какъ намъ передавали абадзехскіе старожилы. Въ ущельяхъ, образуемыхъ хребтами Котхомъ, Пшафомъ, Тхамачинскимъ, существовали сплошныя поселенія, и эта территория, орошаемая р. Псекупсомъ и его притоками Хатынсе, Ченси, Хоарзе, Псеціако, славилась своею зажиточностью, такъ что приобрѣла наименование Мессира (Египта).

Небольшой хребетъ Пшафъ, служившій границей между сельниками бассейна верхняго и средняго теченія Псекупса и сосѣдними бжедухами, упирается въ болѣе высокій параллельный Главному хребетъ Котхъ; съ послѣдняго сбѣгаютъ небольшія рѣки Пчасъ, Марте и Цице. Съ востока Котхъ окаймляется р. Шишемъ, но ущелью котораго легко было достигнуть самаго удобнаго изъ абадзехскихъ переваловъ на южный склонъ, перевала Гойхтъ (1643 фута). Къ этому же перевалу шла удобная колесная дорога изъ долины Псекупса: проходя по вершинѣ водораздѣльнаго хребта между Псекупсомъ и Шишемъ, она приводила въ долину послѣдняго именно въ мѣстѣ расположенія нынѣшняго селенія Елизаветпольскаго. По этой дорогѣ многочисленныя абадзехскія семейства въ 1864 году принуждены были двигаться въ Туапсе, гдѣ и сажались на турецкія кочермы, перевозившія ихъ въ Анатолю. Часть переселенцевъ изъ псекупскихъ абадзеховъ спустилась, кромѣ того, черезъ перевалъ Дефановскій въ Джубгу, а черезъ перевалъ Псебесскій къ мысу Гуагва, близъ нынѣшняго селенія Новомихайловскаго.

Долина Псекупса, по разсказамъ стариковъ-абадзеховъ, представляла собою сплошной аулъ, утопавшій въ фруктовыхъ садахъ; особенно густое населеніе было по р. Хоарзе и близъ Псефабе (Горячая вода), нынѣ мѣстечка Горячій-Ключъ.

Вся описываемая мѣстность въ настоящее время покрыта густымъ рунымъ лѣсомъ, но слѣды горскихъ поселеній еще замѣтны въ видѣ обширныхъ полянъ, напр., близъ „Волчьихъ воротъ“, сел. Безыменнаго, Фанагорійскаго, Садоваго, Пятигорскаго, а также въ видѣ старыхъ запущенныхъ фруктовыхъ садовъ. Осенью закубанскія степныя станицы посылаютъ сюда вереницы возовъ за грушами и яблоками. Чудное зрѣлище являютъ собою склоны Пшафа и Котха весною, когда они сплошь покрыты блѣдно-розовой пеленой цвѣтущихъ яблонь и грушъ! Нынѣ въ этой красивой

мѣстности возникъ новый курортъ при сѣрныхъ горячихъ водахъ.

Пространство между Псекупсомъ и Пшишемъ было мѣже густо населено. Въ бассейнѣ Пшиша аулы дѣлались снова многлюдными. Долина извилистаго и капризнаго *), какъ Псекупсъ, Пшиша, мѣстами широкая, мѣстами сужающаяся, особенно узкой дѣлающаяся отъ станицы Хадыжинской, была очень оживленнымъ торговымъ трактомъ, по которому ѣздили и убыхи, продававшіе пиратскую добычу—англійскіе ситцы, турки, армяне; по этому же ущелью потянулись въ Туапсе верхніе абадзехи въ 1864 году; здѣсь же двигался знаменитый Даховскій отрядъ, окончательно очистившій южный склонъ отъ убуховъ, хакучей, джигетовъ, нсховцевъ и ахчинсховцевъ.

Долина р. Пшехи, впадающей въ Бѣлую близъ станицы Бѣлорѣченской и берущей начало въ снѣгахъ г. Оштена, была очень густо населена. Ее защищали обширные трудно проходимые лѣса. Въ верховьяхъ этой рѣки существуетъ большая поляна *Туби*, очень почитаемая абадзехами, какъ колыбель абадзехскаго племени. Отсюда дорога идетъ черезъ Тубинскій переваль въ мѣстность, которую занимало племя хакучей (абазинскаго происхожденія).

По Курджинсу, впадающему въ Бѣлую въ трехъ верстахъ отъ Майкопа, въ дремучихъ лѣсахъ жили особенно дикіе абадзехи; сюда въ неприступныя горныя тущобы отводили плѣнниковъ. На Курджинсѣ же провелъ свои два многострадальные года (1835—37) баронъ Торнау.

Пространство между Курджинсомъ и Бѣлой, начиная отъ станицы Дагестанской по направленію къ Майкопу, являетъ собою невысокій хребетъ, покрытый буковымъ и дубовымъ лѣсомъ съ большими площадями удобной для посѣвовъ земли. Эта мѣстность находилась во владѣніи мамхеговцевъ **), небольшого племени; островкомъ пріютившагося среди обширной территоріи абадзеховъ.

Долина Бѣлой, съ знаменитымъ своими красотами Даховскимъ ущельемъ, окаймлена высокими отрогами Черныхъ горъ,

*) Осенью и зимою во время сильныхъ дождей въ верховьяхъ эти рѣки, очень мелкія въ обыкновенное время, превращаются на нѣсколько часовъ въ бѣшеные потоки: громадная волна, аршина въ два три вышиною, несется сверху съ необычайной стремительностью: не успѣваетъ одна волна разлиться по окрестностямъ, какъ съ ревомъ на, нее набрасывается второй валъ, за нимъ третій.

**) См. мое сообщеніе въ № 6-мъ т. XIV-го „Извѣстій“ Отдѣла, стр. 238—241.

доходящихъ до 7744 футовъ (гора Тхачь). Кромѣ бѣшеной Бѣлой здѣсь интересны историческими воспоминаніями ея притоки Чегсъ, вытекающій изъ-подъ Шугуса, Сохранъ, Фюнтфъ, Майкопъ, близъ котораго нѣкогда былъ укрѣпленный лагерь, перенесенный въ 1858 году на 15 верстъ внизъ по теченію Бѣлой, на мѣсто нынѣшняго города Майкопа. Близъ устья рѣчки Майкопъ находился извѣстный бродъ Топогуапъ.

Бассейнъ верхняго теченія Фарса и его притока Псефира, служившаго крайней границей распространенія абадзехскихъ ауловъ на востокъ, заполненъ отрогами Даховскаго хребта, склоны котораго круто опускаются къ плоскогорью, гдѣ нынѣ расположены станицы Царская, Хамкетинская, Губская. Часть Главнаго хребта, заключенная между истоками Малой Лабы (ея притокомъ Уруштеномъ) и Бѣлой, почти недоступна для перехода на южный склонъ, ибо здѣсь поднимаются очень крутые массивы горъ Абаго и Шугуса. Между Шугусомъ и Фиштомъ у подножья послѣдняго существуетъ переваль (6300 ф.); нынѣ онъ слыветъ подъ названіемъ Бѣлорѣченскаго, а раньше назывался по-абадзехски Шитлибъ.

Вообще нагорная часть системы р. Бѣлой отличается грандіозностью природы: многочисленныя ея притоки не текутъ, а стремительно низвергаются, иногда разлетаясь брызгами, орошая скалы своего русла, состояція, какъ и массивы Шугуса, Абаго и сосѣднихъ съ ними горъ, изъ очень твердаго темно-сѣраго аспиднаго сланца. Истоки Бѣлой начинаются рядомъ ключей-фонтановъ, бьющихъ и бурлящихъ между скалъ. Горцы до сихъ поръ чтятъ эти ключи и называютъ ихъ святыми. Близъ станицы Даховской, въ треугольникѣ, образуемомъ линіями, соединяющими эту станицу съ селеніями Темный Лѣсъ и Хамышки, расположено чудное альпійское плоскогорье Луганаки; на немъ всѣ бѣлорѣченскіе абадзехи лѣтомъ пасли свой скоть. Даже жители бассейна р. Шахе пригоняли сюда свой скоть по тропамъ, идущимъ на Бѣлорѣченскій переваль, черезъ Бабуки (такъ называемая дорога генерала Геймана).

Вся описываемая мѣстность, находящаяся въ 20—40 верстахъ (по прямой линіи) отъ Чернаго моря, имѣетъ теплый и очень влажный климатъ. Особенно большимъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ отличается восточная часть территоріи, принадлежавшей абадзехамъ. Частые дожди въ этой мѣстности нерѣдко дѣлали сообщеніе между аулами очень затруднительнымъ, и, хо-

тя абадзехи любили прокладывать свои арбяныя дороги по вершинамъ хребтовъ, все же послѣднія зимой были малодоступны, и сношенія поддерживались верхомъ. Вслѣдствіе обилія влаги въ нагорной полосѣ въ изобиліи растутъ рододендроны, плющъ, папоротники, достигающіе болѣе сажени въ высоту; альпійская флора также достигаетъ саженной высоты.

Исключеніе изъ числа мѣстъ, подвергающихся обильнымъ атмосфернымъ осадкамъ, составляетъ Псекабе (нынѣ Горячій-Ключъ) и окрестности хребта Физіабго (близъ Михайловскаго монастыря, въ шести верстахъ отъ станицы Севастопольской, Майкопскаго отдѣла). Въ этихъ пунктахъ количество осадковъ равно 800 мм. Снѣгъ въ горахъ выпадаетъ рано—около 20 сентября—и лежитъ очень долго. Снѣговая линія здѣсь опускается до 8 тысячъ футовъ *). Перевалы открываются очень поздно,—обстоятельство, заставлявшее абадзеховъ тяготѣть къ Гойтхскому перевалу. Альпійскія пастбища, напр., на плоскогоріи Луганаки, открываются въ концѣ мая или въ началѣ іюня.

Почва области средняго теченія Псекупса, Пшиша, Пшехи (Пчеха, по-абадзехски), Бѣлой глинистая, къ верховьямъ же переходитъ въ черноземъ, пока не смѣняется обнаженіями каменныхъ породъ. Черноморскій Кавказъ (отъ Анапы до Оштена, 250 в.) состоитъ изъ известняковъ и глинистаго сланца очень древняго происхожденія. Въ верховьяхъ Бѣлой вершины Главнаго хребта почти сплошь состоятъ изъ твердаго черно-сѣраго аспиднаго сланца. Гранитъ встрѣчается въ ущельѣ Бѣлой близъ сел. Хамышки. Подпочва Черныхъ горъ мѣловая. Почва очень плодородна и во многихъ мѣстахъ особенно пригодна подъ посѣвы пшеницы. Теплый влажный климатъ, тучная почва вызвали появленіе необыкновенной гущины силовныхъ лѣсовъ, въ предгорьяхъ и нижнемъ поясѣ горъ преимущественно дубовыхъ, а въ среднемъ буковыхъ; на болѣе высокихъ хребтахъ растетъ пихта (*Abies Nordmanniana*)**), достигающая трехъ съ половиною саженой въ окружности, ель, сосна, тиссъ; встрѣчается кленъ у верхней границы лѣсовъ, вязъ, липа, ясень, ольха, береза, рябина, боярышникъ, яблони, груши, алыча, черешня, сливы, каштаны; кромѣ того смородина, крыжовникъ, малина, брусника, кавказскій чай (*Vaccinium Arctostaphylos*); этотъ „чай“, въ смѣси

*) Въ нѣкоторыхъ особенно глубокихъ ущельяхъ въ верховьяхъ Бѣлой можно встрѣтить вѣчные снѣга даже на высотѣ 6000 футовъ.

**) Пихта преобладаетъ въ верховьяхъ Бѣлой, Пшехи, Уруштена.

съ вѣчно-зелеными кустарниками, составляетъ подлѣсокъ ништовыхъ и буковыхъ лѣсовъ.

По разсказамъ абадзехскихъ стариковъ, девять десятыхъ ихъ страны было покрыто лѣсами. Абадзехи были, въ точномъ смыслѣ понятія, „лѣсные люди“: лѣсъ былъ ихъ стихія, гдѣ они себя чувствовали, какъ рыбы въ волнахъ; лѣсъ ихъ укрывалъ отъ непогоды и отъ непріятели, лѣсъ ихъ и кормилъ: множество оленей, дикихъ козъ, свиней, сернит, туровъ, кромѣ того зубровъ таилось въ дремучихъ дебряхъ верховьевъ Пшехи, Курджипса и Бѣлой. Во время отдыха отъ наѣздовъ въ сосѣднія области абадзехскіе воины охотились сначала съ лукомъ, копьемъ, а затѣмъ и съ ружьемъ на медвѣдей, барсовъ *), волковъ, лисицъ, куницъ, выдръ, рѣчныхъ бобровъ. Кромѣ того въ лѣсахъ водились въ изобиліи горный тетеревъ (*Tetrao Mocosiewiczzi*), горная индѣйка (*Megaloperdix Caucasica*) и многія другія породы птицъ; изъ хищныхъ слѣдуетъ отмѣтить особенно крупной величины ягнятника (*Gyps fulvus*). Изъ ископаемыхъ Абадзехин слѣдуетъ отмѣтить каменный уголь (въ долинѣ Бѣлой и ея притока Дахо), нефть (близъ станицъ Ширванской, Апшеронской, Нефтяной, Ключевой), горный воскъ (близъ укрѣпленія Хадыжей), бурый желѣзнякъ (между Бѣлой и М. Лабой, близъ Даховской, Царской, Губской, а также близъ Дефановскаго перевала).

Изъ минеральныхъ водъ въ Абадзехин большой славой пользовались псекупскія—Псефабе. Сюда свозились на арбахъ больные и раненые черкесы; здѣсь подъ руководствомъ горскихъ врачей они проходили короткій, но энергичный курсъ лѣченія. Кромѣ сѣрныхъ горячихъ водъ, дававшихъ до 30.000 ведеръ въ сутки, близъ Псефабе существовали и эксплуатировались горцами и солено-іодо-бромистые, углекислый и соленые источники. Близъ мѣстечка Горячій-Ключъ еще сохранились слѣды обширнаго поселенія. Мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ изъ жителей этого селенія; онъ жаловался, что пріѣзжавшіе на воды больные разоряли ихъ: по обычаю, гостю отказать нельзя было въ приемѣ и въ содержаніи,—и гости, поэтому, не переводились въ теченіе круглаго года, такъ какъ водолѣчебный сезонъ не прерывался даже и зимою. Близъ истока горячихъ ключей было вырыто нѣсколько ямъ, куда по-очереди больные опускались, затѣмъ ихъ обертывали въ бурки и несли въ сакли; сѣрную воду принимали

*) Барсы и въ настоящее время попадаютъ охотникамъ въ верховьяхъ Б. и М. Лабъ, Уруштена, близъ Шугуса.

и внутрь. По словамъ старшихъ абадзеховъ, воды въ большинствѣ случаевъ излѣчивали ревматизмъ, кожные болѣзни, раны.

II.

Расположеніе народонаселенія по бассейнамъ рѣкъ. Знатные абадзехскіе роды. Аулы въ бассейнѣ Псекупса, Пчаса, Марте, Пшиша, Пшехи, Курджипса, Бѣлой, Фарса и Псефира.

Самое густое населеніе было по Курджипсу, Пшишу и Бѣлой. Верховья Фарса, Бѣлой, Курджипса, Пшехи и Пшиша были заняты воинственными верхними абадзехами. Какъ и прочіе адиге, абадзехи жили большими аулами, тянувшимися иногда на нѣсколько верстъ, при чемъ одинъ аулъ почти соединялся съ другимъ. Названія ауламъ, въ большинствѣ случаевъ, давались по фамиліямъ знатныхъ дворянскихъ родовъ (князей—*пши*—у абадзеховъ не существовало), называвшихся *уорк-тляхотляжъ*.

Изъ абадзехскихъ дворянскихъ фамилій особенно славились Едыге, Бешуковы, Анчоковы, Гуте, Джанчатовы, Дауровы, Гонечуковы, Хатуковы, Бета, Неджуковы, Цей. Эти то дворянскія (*уорк*) фамиліи и стояли во главѣ обществъ (*хабль*) и передавали имъ свои имена. Общества раздѣлялись на сельскія общины (*леуго*). Общины въ большинствѣ случаевъ были вполне самостоятельными единицами, управлявшимися сельскимъ сходомъ подъ предсѣдательствомъ старшины. Дѣла, касавшіяся всего общества (*хабль*), рѣшались общественнымъ собраніемъ. Вопросы же высокой политической важности, касавшіяся всего абадзехскаго народа, рѣшались народнымъ собраніемъ (*за-уча*, или *ибаръ*).

Обратившись къ отдѣльнымъ обществамъ, находимъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ бассейнѣ Псекупса на мѣстѣ нынѣшняго сел. Фанагорійскаго жило общество Гуте (Гуте-хабль); по хребту Котхъ отъ р. Хотыпсе къ Псефабе (Горячій-Ключъ) жили Бешуковы (Бешуко-хабль); на Хоарзе близъ нынѣшняго селенія Пятигорскаго былъ Бакый-хабль. Хребетъ Пшафъ до р. Дышъ и Чебій занималъ Неджуко-хабль. Территорія близъ мѣстечка Горячій-Ключъ принадлежала Бешуковымъ и сильному роду Едыге. Внизъ по Псекупсу въ недалекомъ разстояніи отъ Псефабе на правомъ берегу рѣки стоялъ Ашѣ-хабль. Близъ Псефабе существовалъ аулъ Абидда-хабль, или Удагажукъ. Рядомъ съ Бешуковыми сидѣли Тугузовы (Тугузъ-хабль). Въ среднемъ же теченіи Псекупса сидѣли общества Цей-хабль, Тлишь-хабль. Общество

Цей имѣло также поселенія и по Пишишу. Пространство *между Псекупсомъ и Пишишемъ* было занято большимъ обществомъ Анчоко-хабль; оно распространяло свои права и на правый берегъ р. Тфишебсь и было извѣстно у русскихъ больше подъ названіемъ общества Тфишебсь.

По р. *Пчасу* были аулы Бешуковыхъ и Гуте (близъ нынѣшней станицы Бакинской). Верховья р. *Марте* были заняты Анчковыми; близъ станицы Имеретинской былъ Нашемуко-хабль, близъ него были Калмуко-хабль и Батырь-хабль. Между р. Цице и Пишишемъ былъ Гонежуко-хабль. По *Пишишу* жили также Цей, Анчковы и общество Махачимо-хабль. Верховья *Пишехи* населялъ Джанчять-хабль, большое общество, занимавшее земли до р. Курджипса, гдѣ сливалось съ обществомъ Даурь-хабль, очень многолюднымъ. Эти два общества были, по словамъ стариковъ-абадзеховъ, подъ сильнымъ вліяніемъ общества Темдаши. Даурь-хабль и Темдаши были расположены по *Курджипсу*. По этой же рѣчкѣ были аулы Шагуче-хабль, Хажджако-хабль, Тухабль (выше станицы Нижегородской).

Треугольникъ *между Курджипсомъ и Бѣлой* былъ занятъ отдѣльнымъ племенемъ *мамгеловцевъ* (мамхегъ), жившихъ въ слѣдующихъ аулахъ: Хуретли, Боджукай, Бадженай, Тлесежи, Патукай, Дугхъ-хабль, Даче-хабль, Кураль (самый многолюдный), Хачемзій, Хакунай, Таганай, Куижи. Въ верховьяхъ Бѣлой въ Хамыши (укрѣпленіе Хамышки) жили сначала абадзехи, затѣмъ къ нимъ въ большомъ числѣ приселились убыхи. На р. Псешьюирѣ былъ аулъ Хачецоко-хабль; близъ него абадзехи добывали желѣзо. На р. *Кокодзѣ* существовалъ Себетъ-хабль, близъ станицы Даховской—Асеретъ-хабль. Самымъ высокимъ поселеніемъ считался аулъ Тубъ-Темдаши, въ верховьяхъ Псефира; здѣсь жили уорки Едыге, считавшіеся самыми знатными.

III.

Преданія о происхожденіи абадзеховъ. Начальная ихъ исторія. Столкновенія съ соседними племенами. Бжедухи, ихъ начальная исторія и борьба съ абадзехами. Второй и третій варианты сказаній о происхожденіи абадзеховъ. Заключение.

Происхожденіе абадзеховъ (сами они себя называютъ *абедзал*) народныя преданія объясняютъ различно. Изъ многочисленныхъ легендъ, слышанныхъ нами въ абадзехскихъ аулахъ, можно составить три варианта, сходящихся въ одномъ, что пер-

вый пунктъ, занятый предками абадзеховъ на ихъ родной территории, это — долина *Тубе*, находящаяся въ верховьяхъ р. Шехи, притока Бѣлой, близъ горы Фиштъ.

Первый изъ легендарныхъ вариантовъ передаетъ, что первоначальные насельники долины Тубе были весьма немногочисленны, всего семь семействъ (Кубовы, Тлишъ, Ашенегъ-Косисъ, Бешукъ, Гуте (три брата) и Цеудинъ). Эти семьи считали себя выходцами изъ Арабистана *). Кто то изъ членовъ вышеназванныхъ фамилій выбилъ у своего односельца глазъ и былъ, согласно шаріату, присужденъ къ лишенію одного глаза. Преступникъ успѣлъ, однако, скрыться, а съ нимъ и толпа его родственниковъ **). Со многими приключеніями бѣглецы добрались до Константинополя, находившагося въ то время еще во власти грековъ; императоромъ былъ Константинъ. Бѣглецы и здѣсь не нашли защиты и принуждены были на кораблѣ бѣжать далѣе, къ берегамъ Кавказа. Высадились они близъ нынѣшняго Туапсе. Сначала они поселились среди убыховъ ***) и стали промышлять охотою. Въ поискахъ за дичью одна группа абадзехскихъ охотниковъ дошла до вершины Главнаго хребта, спустилась въ долину Шехи (Пчеха, по-абадзехски) и остановилась въ долинѣ Тубе. Дѣло было весною. Долина имъ понравилась своимъ красивымъ расположеніемъ, и они посѣяли тамъ для пробы зерна горнаго проса. Когда осенью вернулись взглянуть на урожай, они были удивлены плодородіемъ этой нигдѣмъ еще не заселенной мѣстности и рѣшили перебраться сюда всѣмъ племенемъ. Всѣ семь семействъ перекочевали сюда и, подѣливъ землю на равныя части, стали заниматься хлѣбопашествомъ. И нынѣ члены уоркскихъ фамилій, споря о древности своего рода, ссылаются на то, что ихъ предки имѣли Тубе-хассъ (Тубійскій най), т. е. принимали участіе въ первоначальномъ дѣлежѣ долины Тубе. „Ты въ Тубе пая не имѣлъ“ — служить убійственнымъ аргументомъ противъ доказываемой древности и знатности рода противника. Когда Тубе-халъ разросся, онъ избытокъ населенія выселилъ въ мѣстность Себетъ на р. Кокодзѣ, первомъ отъ верховьевъ правомъ притока р. Курджииса, въ 12 верстахъ къ западу отъ укр. Хамышки. Въ Себетъ аулъ состоялъ

*) Арабистанъ, по мнѣнію мусульманъ, — колыбель народовъ, исповѣдывающихъ исламъ.

**) Легенда, такимъ образомъ, устанавливаетъ родственность абадзехскихъ уоркскихъ фамилій.

***) Абадзехи считаютъ убыховъ родственнымъ племенемъ.

уже из ста дворовъ. Впослѣдствіи изъ Крыма переселились Едыге и Цей; послѣдній былъ въ нѣкоторомъ подчиненіи у перваго. Едыге съ своими родичами основался на р. Цице *); и долина этой рѣчки съ тѣхъ поръ получила названіе Едыговскаго поля. Къ Едыге впослѣдствіи приселилось много пришельцевъ, и всѣ они получили имя Едыге, хотя и не считались уорками. Со времени поселенія абадзеховъ въ Тубе, по словамъ легенды, считается 18 поколѣній, т. е. около 600 лѣтъ.

Первыя столкновенія уже сложившагося племени, по словамъ легенды, произошли съ кабардинцами **). Сохранился слѣдующій рассказъ о первомъ столкновеніи абадзеховъ съ кабардинцами. Кабардинскій князь послалъ однажды пятнадцать всадниковъ къ абадзехамъ съ требованіемъ дани. Пословъ приняли и размѣстили по саклямъ. Аульному же глашатаю приказано было прокричать на весь ауль, чтобы каждый хозяинъ зарѣзалъ по коровѣ и угостилъ гостя. По данному знаку, каждый хозяинъ зарѣзалъ не корову, а своего гостя. Послѣ долгаго ожиданія кабардинскій князь вторично послалъ пословъ: тѣ вернулись и сообщили ему о вѣроломномъ убійствѣ своихъ предшественниковъ. Кабардинецъ собралъ свою дружину и двинулся на абадзеховъ. Встрѣча враждующихъ сторонъ произошла въ ущельѣ р. Дахо. Ущелье это въ верховьяхъ своихъ превращается въ узкую тѣснину. Абадзехи надрубили окрестныя дубы, привязали къ ихъ вершинамъ длинныя ремни и приготовились завалить кабардинцевъ. Притаившись за камнями и пропустивши передовое войско, они дернули за ремни: дубы обрушились и завалили тѣснину. Отрѣзанныхъ отъ остальнаго войска кабардинцевъ стали колоть пиками, разстрѣливать стрѣлами и давить сбрасываемыми кусками скалъ. Въ числѣ отрѣзанныхъ былъ кабардинскій богатырь-великанъ Борокъ. Какъ барсъ, отбивался онъ длиннымъ мечомъ отъ окружившихъ его абадзеховъ. Увидѣлъ это оставшійся позади другъ его Шоготыжъ, богатырь небольшого роста. Бросился онъ на помощь Бороку, перелѣзъ черезъ скалу (и нынѣ существуетъ еще въ горахъ Дахо Шоготыжева тропа) и бросился внизъ на враговъ. Тѣ снизу подхватили его на коня. „Смотри, Борокъ!“ закричалъ онъ другу умирая: „я былъ маленькимъ, а теперь я

*) Небольшой правый притокъ р. Пшехи, впадающій въ нее близъ станицы Самурской.

**) Могущественное кабардинское племя въ ту эпоху дѣйствительно распространяло свое вліяніе и на кубанскихъ горцевъ.

выше тебя стать!“ Всѣхъ кабардинцевъ абадзехи перебили, а прочіе ни съ чѣмъ повернули назадъ. Въ памяти народа удержалось еще два воспоминанія о битвахъ съ кабардинцами: одна произошла близъ станицы Даховской, на р. Бѣлой, другая близъ уроч. Мазмая (выше станицы Нижегородской). Кромѣ кабардинцевъ, абадзехамъ пришлось сражаться съ южно-горскимъ разбойничьимъ племенемъ *такучей*, жившихъ въ верховьяхъ рр. Псе-зуане, съ притокомъ Хакучипсе, и Шахе. Сохранились также преданія о столкновенияхъ съ убыхами, бесленеевцами *), шахгиреевцами **), махашевцами, жившими между Фарсомъ и Большою Лабюю, баракаевцами (браккый), небольшимъ обществомъ, сидѣвшимъ въ верховьяхъ Псефира, съ баговцами (багъ), обитателями долины Ходза, съ егерукаевцами (егерудой), жившими отъ Бѣлой до Фарса (по среднему теченію обѣихъ рѣкъ), съ темиргоевцами (кэмгуй), обитавшими по нижнему теченію Бѣлой, Псенафа, Гіаги и Фарса; особенно же частыми столкновениями отличались отношенія абадзеховъ къ *бжедугамъ*, нѣкогда владѣвшимъ, по преданію, большею частью территоріи, занятой впоследствии абадзехами. По мѣстнымъ преданіямъ, записаннымъ мною со словъ известнаго всѣмъ адиге Кубанской области бжедухскаго князя Кемгуя Ахеджагова, преклонныхъ лѣтъ старца, живущаго на покой въ Бжедугъ-хаблѣ, племя бжедуховъ, абхазскаго происхожденія, перешло на сѣверный склонъ подъ предводительствомъ князя Хамыша; а раньше оно обитало въ ущельяхъ бассейна р. Бзыби ***). Поселилось оно въ долину верхняго теченія р. Бѣлой, построило большой аулъ, названный въ честь князя—Хамыши (русскіе переименовали въ Хамышки; когда то здѣсь было русское укрѣпленіе, нынѣ небольшое селеніе). Впоследствии одинъ изъ хамышейскихъ князей Цюкъ, сынъ Ямбока, покинулъ со своими приверженцами аулъ и ушелъ въ долину Туансе, гдѣ и умеръ, оставивъ главою рода своего сына Абадежи. У послѣдняго было два сына, Чярчянъ и Хамышь. Хамышеевцы, подъ ихъ предводительствомъ, перешли черезъ Гойтхскій перевалъ и заняли долину р. Псекупса. Аулъ же Хамыши былъ занятъ абадзехами. Позднѣе имъ владѣли убыхи. Поселившіеся въ бассейнѣ Псекупса хамышеевцы раздѣлились: Хамышь съ своими единомышленниками

*) Бесленеевцы (бесленей) жили отъ Псефира до Уруца.

***) Шахгиреевцы (шахгерай)—обитатели верховьевъ Малой Лабьи (Псизюэ).

***) Р. Бзыбь впадаетъ въ Черное море близъ Пцунды.

сѣлъ по лѣвому берегу средняго и нижняго теченія Псекупса, Чярчянъ же по правую *). Отсюда хамышеевцы (впослѣдствіи ихъ стали называть бжедухами) раздѣлились на два племени: черченеевцевъ (потомковъ Чярчяна) и хамышеевцевъ (потомковъ его брата Хамыша). Имя же бжедуховъ они, по преданію, получили по слѣдующему случаю: на какомъ-то многолюдномъ пиру, гдѣ были уорки сосѣднихъ племень, одинъ изъ князей бжедудскихъ укралъ турій рогъ, изъ котораго пили вино: отсюда и прозвище бжедудовъ (*воры чашь: бжа—турій рогъ, духъ—воръ*) **). Преданіе это имѣетъ, по всѣмъ признакамъ, такъ сказать, лексическое происхожденіе. Въ 1641 году, датируетъ одно абадзехское преданіе, абадзехи, обитавшіе въ бассейнѣ верхняго теченія Пшехи, Пшиша, подъ предводительствомъ двухъ наѣздивковъ, Ерика и Неджюка, двинулись всѣмъ народомъ, съ женами и дѣтьми, въ долину Псекупса, потѣснили бжедудовъ, не имѣвшихъ силы сопротивляться свѣжему и многочисленному племени верхнихъ абадзеховъ, отличавшихся издревле своею воинственностью: бжедуды были оттѣснены до рѣки Чигіяко.

Второй вариантъ изъ сказаній о происхожденіи абадзеховъ передаетъ, что предки ихъ вышли изъ Абхазіи, долго жили въ долинѣ Шахе и впослѣдствіи перешли хребетъ и основались въ долинѣ Тубе. Третій вариантъ этихъ сказаній говоритъ, что абадзехскіе родоначальники, „придя съ берега моря“, жили сначала въ Татартунѣ, затѣмъ поселились на р. Аридѣ, откуда перешли въ долину Тубе. Отсюда избытокъ населенія, спускаясь съ горъ, расселился по среднему теченію Схагуаше (Бѣлой), Курджипса, Пчехи (Пшехи, Пшиша); эти абадзехи назывались *их-абадз* (*нижніе абадзехи*), жившіе же въ верховьяхъ этихъ рѣкъ—*этишир-абадз*—*верхніе абадзехи*.

Анализъ вышеприведенныхъ сказаній о первоначальной судьбѣ абадзехскаго племени приводитъ, по нашему мнѣнію, къ слѣдующему выводу. Въ глуши кавказскихъ горъ, каковой и была

*) Долина Псекупса до прихода бжедудовъ принадлежала темиргоевскому князю Болотоку. Близъ нынѣшняго селенія Пятигорскаго послѣдній встрѣтилъ Чярчяна и Хамыша: произошла трехдневная битва, и Болотокъ отступилъ. Впослѣдствіи темиргоевцы были оттѣснены еще дальше, и 30 ме годы прошлаго вѣка застаютъ ихъ за Бѣлой, по нижнему теченію Псенафа, Гіаги и Уля.

**) Бжедудское преданіе смягчаетъ этотъ случай и рассказываетъ, что на пиру предприимчивый бжедудъ перехватилъ не въ очередь молный вина турій рогъ и выпилъ его.

долина Тубе, пріютилась кучка разноплеменныхъ бѣглецовъ: здѣсь были представители и абхазскаго племени, и кабардинскаго, и убыхскаго, были даже выходцы изъ Крыма (Едыге). Аналогичное явленіе мы видимъ въ начальной исторіи карачаевцевъ, съ тою только разницею, что жители Тубе не были такъ изолированы отъ окружающихъ племенъ, какъ карачаевцы, живущіе подъ защитою высокихъ и неприступныхъ горныхъ твердынь. Къ первоначальникамъ долины Тубе, отличавшимся, повидимому, какъ и всѣ авантюристы, энергіей и храбростію, приселились наиболѣе предприимчивые и воинственные изъ аборигеновъ, а рядъ удачныхъ наѣздовъ, подъ предводительствомъ удалцовъ, ставшихъ впоследствии родоначальниками именитыхъ абадзехскихъ фамилій (урокъ), отдалъ во власть горной республикѣ (у абадзеховъ никогда не было *пши*—князей) сначала долину Пшехи, Курджипса, затѣмъ Бѣлой, Пшиша и, наконецъ, Псекупса. Что касается языка, то языкъ покоряемыхъ адиге уничтожилъ „смѣсь языковъ“, царившую въ горсти завоевателей.

IV.

Внѣшность абадзеховъ. Характеръ народа. Отношеніе къ русской культурѣ. Одежда мужская и женская. Жилища. Пища. Утварь. Мечеть.

Внѣшность абадзеховъ очень привлекательна: они, въ большинствѣ случаевъ, выше средняго роста, очень стройны: даже между стариками намъ не пришлось замѣтить ни одного толстяка; плечи отличаются шириною, а талія, перехваченная ремнемъ,—тонкостью. Волосы они коротко стригутъ, нѣкоторые бреютъ ихъ. Лѣтомъ большинство бреетъ головы. Бороды стригутъ, молодые очень коротко: у одного изъ щеголей намъ даже пришлось увидѣть машинку для стрижки; старики же отпускаютъ бороду длиннѣе, а мullahы считаютъ за необходимость носить большую бороду. Черты лица, въ общемъ, правильны и пріятны; крючковатыхъ носовъ намъ пришлось видѣть мало. Часто встрѣчаются сѣрые и голубые глаза. Не рѣдкость встрѣтить блондина. Женщины миловидны, особенно изъ сословія урочковъ: бѣлизна ихъ кожи красиво отбѣняется тонкими темными бровями; глаза, красивой овальной формы, не отличаются величиною. Походка мужчинъ и женщинъ легка и быстра. Вообще, абадзехи отличаются ловкостью въ работѣ и ѣздѣ верхомъ. Такой отзывъ о нихъ я слышалъ отъ ихъ сосѣдей, залабинскихъ казаковъ, имѣющихъ.

непосредственныя сношенія не только съ абадзехами, но и съ темиргоевцами, бжедухами, баракаевцами и другими кубанскими горцами, выселенными въ низовья Фарса, Вѣлой, Ишехи. Бурное прошлое этихъ горянъ, большого племени, способствовало выработкѣ ловкости, смѣлости и неутомимости. Старики, дѣятели борьбы съ русскими, сокрушаются о томъ, что равнинная жизнь, хлѣбопашество, общеніе съ станицами, сильное развитіе торгашества губительно дѣйствуютъ на старинныя доблести абадзеховъ. Дѣйствительно, въ настоящее время юношамъ некуда отправиться „куномъ“ въ набѣгъ за „барантою“, абрекамъ теперь нѣтъ возможности существовать, ибо всѣ аулы окружены густымъ строемъ станицъ, за кровомщеніе же грозитъ Сибирь. Болѣе культурное вліяніе на абадзеховъ оказываетъ школа. Вполнѣ оцѣнивши ея необходимость, они не жалѣютъ на нее денегъ: такъ, напримѣръ, въ большомъ Хакуриновскомъ аулѣ (Хакурино-халѣ), сплошь заселенномъ абадзехами, школа помѣщается въ превосходномъ кирпичномъ зданіи, съ прекрасными классами, лакированными партами, всевозможными классными принадлежностями. Зданіе расположено въ столѣтнемъ дубовомъ паркѣ. При школѣ прекрасный опытный садъ. Почти въ каждомъ изъ десяти посѣщенныхъ мною ауловъ я встрѣчалъ гимназиста, преимущественно ставропольской гимназіи.

Одѣваются абадзехи, какъ и раньше, въ общечеркесскую одежду. Верхняя одежда, длинная черкеска, ниже икръ (выше икръ изъ всѣхъ западно-горскихъ племенъ носятъ одни абхазцы), преимущественно черного, иногда коричневаго, рѣдко бѣлаго цвѣта—*цей*. Зимю носятъ овчинный тулупъ—*джедугъ*; послѣдній, впрочемъ, любители не стѣсняются носить и лѣтомъ. Потомки уорковъ любятъ надѣвать сверхъ черкески суконное пальто офицерскаго покроя съ металлическими пуговицами. Подъ черкеской носятъ *сай*—бешметъ изъ домашняго холста или изъ тонкаго домашней же выдѣлки сукна. Бѣлье холщевое; нѣкоторые же пренебрегаютъ бѣльемъ и надѣваютъ *сай* непосредственно на голое тѣло. Штаны—*шошеджъ*—шьются изъ сукна, преимущественно свѣтло-коричневаго; носятъ ихъ „на очкурахъ“; въ старину любили нашивать на нихъ черныя лампасы, въ два пальца шириною. Старинная обувь состояла изъ *чевякъ*, которые шились изъ кожи черной или рыжей коровы, при чемъ носились шерстью наружу. „Ноговицы“ доходили только до колѣнъ и назывались *ляй*; кромѣ *ляй* существовали *мяодже-ляй*, короткія голенища, надѣ-

вавшіяся повыше колѣнъ; безъ „ляй“ послѣднія не надѣвались. Въ старину папахи отличались большою величиною, при чемъ верхъ ихъ шился изъ цвѣтнаго домашняго сукна, далеко выдавался за шапку и былъ остроконечнымъ.

Женская одежда состоитъ изъ завязывающихся у щиколотки шальваръ, юбки, легкаго бешмета, праздничнаго бешмета, обшитаго узорчатыми серебряными позументами собственной работы. Позументы обыкновенно имѣютъ видъ листьевъ или сердецъ. Корсажъ у дѣвушекъ очень узокъ. Онъ шнурется сзади *). Обыкновенія же зашивать грудь дѣвочки въ овечью или козью кожу и распарывать ее въ день свадьбы у абадзеховъ не существуетъ и не существовало. Корсетъ обыкновенно, по мѣрѣ развитія стана дѣвушки, перемѣняется.

Въ старыя годы всѣ дѣвушки носили островерхія шапки-колпаки, обитыя параллельными полосами позументовъ; съ конца такой конусовидной шапки спускалась фата, что придавало имъ видъ средневѣковой дворянки-француженки или нѣмки. Въ настоящее время эти шапки значительно уменьшились въ величинѣ своей; надѣваются они въ высокаторжественныхъ случаяхъ, въ обыкновенное же время абадзехскія дѣвушки носятъ ситцевыя платочки, но не стѣсняются также ходить и простоволосыми.

Въ настоящее время абадзехскій аулъ имѣетъ видъ довольно благоустроеннаго поселенія: многія сакли выбѣлены, нѣкоторыя крыты даже желѣзомъ. Въ старину было далеко не такъ: абадзехскій аулъ издали являлъ группы сѣрыхъ саклей-шалашей; онѣ были едва обмазаны глиной, сверху лежалъ беспорядочными космами тонкій покровъ изъ соломы; нѣсколько тщательнѣе строилась „хозяйская“ сакля, вѣрнѣе, гинекей, женское отдѣленіе, куда запрещенъ былъ доступъ мужчинамъ и куда самъ хозяинъ осмѣливался прокрадываться только позднею ночью. Въ „хозяйской“ была и спальня, и дѣтская, и кухня, и кладовая; часто все это совмѣщалось въ одной комнатѣ. Вблизи „хозяйской“ былъ пристроенъ амбаръ, гдѣ хранились съѣстные припасы; амбаръ обыкновенно былъ рубленый. Далѣе стоялъ сарай для лошадей. Наконецъ, въ почтительномъ отдаленіи была кунацкая, гдѣ весь

*) Дѣвушки носятъ своего рода корсетъ—*шиа-кафтанъ* („дѣвичій кафтанъ“); раньше дѣлали его изъ кожи, холста, при чемъ зашивали въ матерію по двѣ гибкія деревянныя пластинки, сжимавшія обѣ груди, ибо у черкесовъ тонкая талія и неполная грудь составляютъ главныя условія красоты.

день сидѣлъ самъ хозяинъ и куда ему изъ „хозяйской“ присылался обѣдъ. Убранство кунацкой было очень просто: вдоль стѣнъ стояли низенькія скамьи, въ углу было нѣсколько *аннэ*—низкихъ столиковъ о трехъ ножкахъ, на стѣнѣ висѣла коровья, козья, барсовая или медвѣжья шкура, въ часы намаза разстилавшаяся на глиняномъ полу кунацкой. Тутъ же въ углу стояли *куманъ*—мѣдные кувшины съ узкимъ горлышкомъ и носкомъ—и мѣдные или деревянные тазы—*ледченъ*. Пищу варили въ мѣдныхъ котлахъ—*ляунъ*, на противняхъ. Кухня абадзеховъ не отличалась изысканностью: изъ мяса приготовлялись шашлыкъ, жареное въ маслѣ мясо, обильно приправленное краснымъ перцемъ; довольно вкусное блюдо приготовляютъ абадзехскія женщины—курицу въ соусѣ изъ масла, душистыхъ травъ и перца; обыденной пищей была кукурузная похлебка, вареное просо, приправленное кислою сывороткой, вареное ржаное тѣсто съ масломъ или съ сыромъ. На пирахъ истребляется большое количество говядины и баранины. Напиткомъ служитъ буза, приготовляемая изъ проса, а раньше употреблялось и виноградное вино. Въ настоящее время въ большомъ ходу обыкновенная водка. Бузу держали въ мѣхахъ изъ козьихъ шкуръ—*хаджмалъ*. Въ этихъ же *хаджмалахъ* помещалось и кислое молоко и мука. У хорошей хозяйки на кухнѣ всегда висѣло нѣсколько хаджигалъ и каждый былъ наполненъ особаго сорта мукой. Ъли съ помощью ложекъ, выдѣлывавшихся довольно изящно изъ буковаго дерева или изъ рога, и съ помощью ножей. Въ зажиточномъ домѣ можно было найти большіе лари (*пхаконъ*) съ дверцами; въ нихъ помещались праздничныя одежды, цѣнныя вещи, изысканные съѣстные припасы; на стѣнахъ висѣли открытые шкапчики для деревянной посуды, ложекъ, котелковъ—*мачай*; множество корзинокъ (*фимутъ*), плетенокъ для сѣживанія сыра (*койхитль*), скамеечекъ (*пхантокъ*) и круглыхъ низенькихъ столиковъ (*аннэ*) наполняло „хозяйскую“. Въ спальнѣ стояли деревянные кровати, иногда съ рѣзьбою и инкрустациями; у бѣдныхъ же кровати замѣнялись нарами изъ плетеныхъ изъ хвороста щитовъ, покрытыхъ слоемъ глины.

Изъ аульныхъ зданій по величинѣ своей и большей опрятности отличалась мечеть—длинная сакля, стоявшая посреди чистой полянки, окруженной заборомъ; посѣтители (посѣтительницъ мечети нѣтъ) черезъ „перелазъ“—нѣчто вродѣ дверей съ высокимъ порогомъ, для прегражденія доступа въ ограду животнымъ—проникали во дворъ мечети и далѣе въ ея внутренность. Близъ мече-

ти на четырехъ высокихъ кривыхъ столбахъ подымался небольшой шалашикъ, откуда раздавался голосъ „моллы“ или „эфенди“.

V.

Земледѣліе; земледѣльческія орудія. Садоводство. Скотоводство. Торговля.

Въ мирное время абадзехи усердно занимались земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ, ремеслами. Особенно въ этомъ отношеніи трудолюбивымъ отличались „нижніе“ абадзехи.

Нынѣ лѣсная горная пустыня, кое-гдѣ оживленная бѣдной нагорной станицей или жалкимъ селеніемъ, только 37 лѣтъ тому назадъ имѣла веселый, оживленный видъ: лѣса были изрѣзаны арбьяными дорогами, пѣшеходными тропинками. Въ долинахъ по скатамъ горъ, въ ущельяхъ зеленѣли нивы; зеленѣли онѣ и на вершинахъ, заставляя удивляться терпѣнію, съ какимъ абадзехъ очищаль отъ лѣса нѣсколько десятинъ. Вокругъ нивъ, прилегавшихъ къ лѣсамъ, виднѣлись невысокіе плетни, устроенные для защиты посѣвовъ отъ дикихъ свиней. Около ауловъ видны были большія деревья, съ обрубленными вершинами: сюда абадзехи, какъ въ Абхазіи абхазцы, складывали сѣно для лошадей и стебли кукурузы для буйволловъ и быковъ. Во избѣжаніе лихорадокъ, не щадящихъ жителей и нагорной полосы, особенно по теченію Псекупса, абадзехи селились по склонамъ горъ на вершинахъ холмовъ.

Обработка земли подъ посѣвъ начиналась рано, едва сходилъ снѣгъ. Корчевали осенью и зимою. Для корчевки у абадзеховъ употреблялся особый инструментъ, имѣвшій видъ топора, съ одной стороны, и кирки съ другой—*чыты*; къ переднему, вышнему концу лезвья топора придѣлывалась стальная палочка, имѣвшая назначеніемъ своимъ предохранять острее отъ ударовъ по камнямъ.

Пахали сохою (*пхаашажи*), въ которую впрягалась только пара быковъ; соха имѣла одну ручку, лемехъ отворачиваль землю въ обѣ стороны. Глубоко подобный плугъ не забираль; но въ этомъ и нужды не было: дѣвственная почва Абадзехіи очень рѣдко давала неурожай. Жали серпами очень грубой работы, косили косами, отличавшимися отъ современныхъ тѣмъ, что ручка косы не приклинивалась, а заостренная пятка косы—*леди*—втыкалась въ ручку; косы не отклепывали, а точили на брускѣ или

точилъ (*шерыхъ*); точились онѣ раза четыре въ день; луки на косѣ не было, и косили не правильными „ручками“, а въ кружокъ *).

Сѣяли рожь, пшеницу, кукурузу, ячмень, просо. Близъ ауловъ существовали огороды, обнесенные кучами нарубленнаго терновника; сѣяли горохъ, фасоль, морковь, пряныя растенія, позднѣе огурцы, табакъ, перецъ. Пололи небольшимъ орудіемъ, имѣвшимъ видъ скребка — *шгоапэ*.

Остатки обширныхъ садовъ, состоящихъ изъ яблонь, грушъ, сливъ, алычи, черешень, вишенъ, указываютъ на любовь горцевъ къ плодовымъ деревьямъ. Однако, въ настоящее время, несмотря на близость станицъ, красиво утопающихъ въ зелени, въ аулахъ очень мало растительности; въ нѣкоторыхъ же, какъ, на примѣръ, въ Габукаѣ, не найдется ни одного дерева. Причина этого явленія коренится, повидимому, въ томъ, что въ горахъ горцамъ помогала сама природа: къ дикимъ экземплярамъ плодовыхъ деревьевъ, въ изобиліи покрывающихъ и покрывавшихъ склоны Черныхъ горъ, горцы прививали благородныя вѣтки; переселившись же въ степь, горцы не вывели съ собою плодовыхъ деревьевъ, а природная лѣнь помѣшала имъ это сдѣлать и въ позднѣйшее время. И вотъ обширный, такъ сказать, столичный абадзехскій аулъ Хакурино-хабль, не имѣлъ бы никакой растительности, если бы основатели его не выбрали мѣста близъ столѣтней дубовой рощи. Насадить же тополей, акацій, сдѣлать палисаднички передъ саклями абадзехи еще не чувствуютъ потребности. Не то мы видимъ въ ихъ полеводствѣ. Осенью за Кубанью въ степныхъ аулахъ дымятся тамъ и сямъ локомобили, приводя въ движеніе молотилки, набрасывающія горы соломы. Землю пахутъ усовершенствованными плугами. Возникновеніе двухъ обширныхъ маслобойныхъ заводовъ бр. Аведовыхъ, въ Армавирѣ и Еватеринодарѣ, заставило чуткихъ черкесовъ значительно увеличить посѣвы подсолнечника. Зажиточность черкесовъ вообще и изучаемыхъ нами абадзеховъ въ настоящее время внѣ сомнѣнія. Это замѣтно и по многочисленнымъ стадамъ, пасущимся близъ ауловъ, по большимъ табунамъ, бродящимъ по степи. До сихъ поръ ка-

*) «Косить правильными ручками» — вѣтти шеренгой, при чемъ каждый косарь отстаетъ отъ своего сосѣда, идущаго впереди, по крайней мѣрѣ, на пять взмаховъ. Косарь, идущій впереди, называется *ручкой*. — «Косить въ кружокъ» — выкашивать траву вокругъ себя и такимъ образомъ подвигаться къ центру луга.

лымъ считаютъ на коровъ; иногда, особенно у уорковъ, онъ доходитъ до 200 коровъ. У рѣдкаго абадзеха нѣтъ десяти коровъ. Въ лѣтнее время скотъ отгоняютъ на горныя пастбища: абадзехи арендуютъ у нагорныхъ станицъ, расположенныхъ по Курджису, Бѣлой, Фарсу, плоскогорія и до осени пасутъ тамъ свои стада и табуны. Горскій рогатый скотъ не отличался раньше величиною, хотя значительно былъ крупнѣе абхазскихъ коровъ, похожихъ скорѣе на рогатыхъ телятъ, чѣмъ на взрослыхъ животныхъ. Лошади отличались выносливостью и ловкостью. Довольно высокаго роста, стройныя, онѣ способны были дѣлать поистинѣ замѣчательные переѣзды. Въ преданіяхъ абадзеховъ сохранились воспоминанія о томъ, какъ абадзехскіе удалцы пробирались за Кубань еще до учрежденія кавказской линіи и грабили поселенія по Дону, послѣ чего носились по придонскимъ и приазовскимъ степямъ неуловимые для преслѣдовавшихъ ихъ казаковъ. Позднѣе абадзехскіе *хаджреты* (у кабардинцевъ они назывались абреками) наносили много вреда русскимъ порубежнымъ поселеніямъ, надѣясь на выносливость и быстроту своей лошади. Въ одну ночь они съ *ясуремъ* (плѣннымъ) уѣзжали за 100—120 верстъ.

Своихъ денежныхъ знаковъ у абадзеховъ не существовало, — ихъ замѣняли турецкія, а затѣмъ и русскія металлическія деньги, но въ большинствѣ случаевъ купля и продажа были мѣнныя. Въ періоды затишья въ борьбѣ русскихъ съ черкесами послѣдніе съ удовольствіемъ посѣщали русскіе мѣнныя дворы, гдѣ за скотъ, кожи, лошадей получали соль, ткани, металлическія издѣлія: котлы, пилы, топоры и проч. Мѣнною единицею была корова.

Абадзехи, вопреки обычаю нѣкоторыхъ горскихъ племенъ, напримѣръ, карачаевцевъ, не брезгаютъ торговлей; въ Хакуринохаблѣ мы поразились обиліемъ лавчонокъ, въ которыхъ кромѣ нѣсколькихъ коробокъ спичекъ, кусковъ мыла, гвоздей, керосину ничего не было. Мы спросили у старшины о причинѣ подобнаго явленія. Въ отвѣтъ получили заявленіе, что дѣло здѣсь не въ торговлѣ бакалейными товарами, а въ хлѣбной ссылкѣ: всѣ лавочники вмѣстѣ съ тѣмъ и хлѣбные скупщики; что послѣднее занятіе считается очень прибыльнымъ. Думается, кромѣ того, что къ торговлѣ побуждаетъ и природная лѣнь и склонность къ разговорамъ и необыкновенное, прямо дѣтское любопытство, которое отличаетъ даже сѣдыхъ почтенныхъ стариковъ и понуждаетъ

ихъ по часамъ вести праздныя бесѣды, существованіе же лавочки нѣсколько оправдываетъ ихъ склонность къ праздности и болтовнѣ.

По словамъ стариковъ, въ Абадзехіи процвѣтало нѣкогда кузнечное ремесло; въ горахъ добывали желѣзо, изъ котораго выдѣлывали холодное оружіе; но кольчугъ дѣлать не умѣли: ихъ привозили „съ моря“ или изъ *Кабертай* (Кабарды). Всѣ видѣнныя мною кольчуги очень чистой работы; нѣкоторыя съ арабскими надписями. „Изъ Арабистана“, самодовольно заявилъ хозяинъ одной изъ кольчугъ, желая этимъ особенно похвалить ее: все лучшее, по мнѣнію абадзеховъ, изъ Арабистана. Оттуда же нѣкоторые уоркскіе роды ведутъ свое происхожденіе.

Абадзехскія жевщины съ большимъ искусствомъ занимаются золотымъ и серебрянымъ шитьемъ; особенно мелкій и красивый узоръ онѣ выводятъ на маленькихъ бархатныхъ и суконныхъ шапочкахъ, которыя носятъ дѣвушки; въ послѣднее время длинныя конусовидныя шапки замѣнены почти повсемѣстно низенькими круглыми бархатными, преимущественно краснаго цвѣта шапочками.

Бурки, поговицы, чевяки, сѣдла, уздечки, чепраки, черкески, папахи, — всѣ принадлежности всадника, — приготовляются дома; избытокъ продаютъ, преимущественно въ Екатеринодаръ, гдѣ этотъ товаръ охотно раскупается казаками, носящими однородную одежду и снаряженіе.

VI.

Воспитаніе. Аталычество. Бракъ. Похороны. Религіозныя воззрѣнія.

Абадзехи, какъ и всѣ адиге, на воспитаніе обращали серьезное вниманіе. Мальчикъ и юноша въ старину воспитывались очень строго: изъ нихъ вырабатывали воина, владыку семьи, свободнаго и свободолюбиваго члена демократическаго государства, какимъ была Абадзехія.

Мальчики воспитывались на женской половинѣ, въ „хозяйской“, до семи лѣтъ. Отецъ тогда упражнялъ сына въ метаніи ножа, копья, камня, кинжала, въ стрѣльбѣ въ цѣль, сначала въ неподвижную, затѣмъ въ движущуюся; мальчики „пронзали въ небесахъ орловъ“, какъ это еще Пушкинъ отмѣтилъ въ своемъ „Кавказскомъ плѣнникѣ“. Затѣмъ слѣдовала верховая ѣзда, джигитовка со всѣми ея головоломными упражненіями. Идя на охоту, отецъ бралъ сына съ собою и приучалъ его ко всѣмъ охот-

ничьимъ хитростямъ, объяснялъ привычки и свойства звѣрей, училъ подражать ихъ крику. Абадзехи—лѣсные люди—во многомъ напоминали индѣйцевъ Купера: они имѣли множество условныхъ знаковъ, условныхъ криковъ, свистовъ. Отличались необыкновенною чуткостью, ловкостью въ преслѣдованіи добычи, мышечною силою: они зачастую въ-одиночку отправлялись на опасную охоту за зубрами, барсами и медвѣдями. Безъ сомнѣнія, мальчикъ, выросшій въ подобной охотничьей и боевой обстановкѣ, самъ становился отважнымъ охотникомъ и опаснымъ воиномъ.

Дѣвочки находились до выхода замужъ подъ надзоромъ матери, которая должна была научить ихъ рукодѣлію, домоводству. Абадзехскія дѣвушки довольно поздно выходятъ замужъ, въ противность дѣвушкамъ другихъ кавказскихъ племенъ, у которыхъ отдавали въ замужество даже двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ. Абадзехи отдавали замужъ своихъ дочерей 18—20 лѣтъ. Благодаря этому обстоятельству красоту онѣ сохранили въ замужествѣ дольше. Дѣвушкамъ предоставлялась большая свобода, но онѣ рѣдко злоупотребляли ею. При всей кокетливости своей, онѣ держали себя очень недоступно. Теперь, вслѣдствіе вліянія обычаевъ другихъ племенъ, у абадзеховъ встрѣчаются раннія замужества—15, 16 лѣтъ.

У абадзеховъ былъ въ большомъ ходу обычай *аталычества*. Особенно онъ развился благодаря множеству кабардинскихъ княжескихъ семействъ, бѣжавшихъ въ горы Большой и Малой Лабы съ родины, которою завладѣли русскіе. Всѣ абадзехскіе уорки имѣли „аталыковъ“, т. е. воспитателей своихъ сыновей или дочерей. Впослѣдствіи аталыкомъ стали звать и воспитанника. Для тльфокотля (свободнаго крестьянина) было и почетно и выгодно принять на воспитаніе ребенка богатаго, сильнаго и знатнаго человѣка. Съ другой стороны, уоркъ (если это былъ абадзехъ) или пши (если это былъ бжедухъ) считали необходимымъ удалить отъ себя дѣтей, чтобы получить не измѣненныхъ, сильныхъ юношей или дѣвушекъ. Воспитатель прилагалъ всѣ усилія, чтобы его воспитанникъ былъ совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ: это былъ самый бдительный гувернеръ, всецѣло овладѣвавшій помыслами воспитанника; неудивительно поэтому, что аталыковъ любили больше, чѣмъ родныхъ отцовъ.

На семнадцатомъ году аталыкъ торжественно, въ сопровожденіи многочисленнаго эскорта, стрѣлявшаго и джигитовавшаго, водворялся въ домъ отца, который задаривалъ воспитателя лошадами, оружіемъ, скотомъ; при этомъ пиры продолжались нѣ-

сколько дней. То же совершалось при возвращеніи въ домъ дѣвушки; при выходѣ послѣдней замужъ калымъ иногда отдавался воспитателю.

Съ семнадцати лѣтъ юноша начиналъ участвовать въ хищническихъ предпріятіяхъ, въ „купѣ“, небольшой шайкѣ, промышленной разбоемъ. Заслужить прозвище храбраго было мечтой каждаго юноши. Выйти замужъ за такого храбреца было мечтой каждой дѣвушки.

Въ мирное время юноши и дѣвушки свободно сходились; устраивались хороводы: юноши, поддерживая подѣ руки сосѣдокъ, притопывая, двигались, подѣ звуки деревянныхъ дощечекъ и желѣзной дудки, то вправо, то влѣво. Хороводъ смѣнялся пляскою отдѣльныхъ паръ; дама то плавно ускользала, граціозно подымая руки то въ одну, то въ другую сторону, танцоръ энергично ее преслѣдовалъ, артикулируя ступнею ноги и плавно взмахивая руками; иногда, прижавшись другъ къ другу и держа другъ друга за руки, пара за парю, притопывая и слегка присѣдая, плавала среди большого круга зрителей, мѣрно похлопывавшихъ рукою объ руку, въ аккомпаниментъ трещоткѣ (*пхечичь*) и длинной дудкѣ, а въ настоящее время и гармоникѣ *). Послѣдній инструментъ въ большомъ употребленіи у дѣвушекъ: онѣ достигаютъ настоящей виртуозности въ игрѣ на немъ.

Молодежь любитъ „сумерничать“, особенно подѣ пятницу. Въ вечернемъ воздухѣ надѣ ауломъ виситъ до глубокой ночи тогда какой-то плачущій вой, похожій на теноровый тонъ паровознаго гудка въ отдаленіи или на вопль комара, приближающагося къ уху. Мы долго не могли различить, комаръ ли поетъ крыльями, или это тягучій плачь поющаго абадзеха. Гармоника, аккомпанирующая пѣнію, то даетъ такія же тягучія ноты съ переливами, то, останавливаясь, затрепещетъ, чтобы затѣмъ снова нанизывать одну длинную ноту на другую.

Въ древности абадзехи, слѣдуя первобытному праву, широко пользовались правомъ умыканія невѣстъ. По свидѣтельству Шора Бекмурзинъ Ногмова **), мужчины на игрищахъ выбирали себѣ невѣстъ и безъ всякаго обряда соглашались жить вмѣстѣ. Свадебные обряды соблюдались во всей ихъ строгости уорками. Сговорившись съ дѣвушкой о днѣ и часѣ, женихъ увозитъ невѣ-

*) Танецъ *уджи*—тройка, съ кавалеромъ въ срединѣ; *истами*—кабардинскій танецъ; *хакуаджъ*—танецъ двухъ паръ.

**) „Исторія адигейскаго народа“, 36.

сту домой. Приглашенный эфенди (священникъ) благословляетъ новобрачныхъ, при чемъ пишется брачное условіе. Свадебныя торжества продолжаются недѣли двѣ. Женихъ не рѣшается показываться на глаза родныхъ, особенно отца, скрывается у знакомыхъ и только позднею ночью прокрадывается къ женѣ. По истеченіи двухъ недѣль друзья, у которыхъ онъ скрывался, одаривъ его чѣмъ могутъ, торжественно ведутъ и водворяютъ его въ его домѣ. Мужчины женятся обыкновенно въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ; дѣвушки же—отъ 18 до 20. Калымъ уорковъ доходитъ до 900 рублей, тльфокотли *) платятъ 600 р., шитли 400—500 р. Бѣдняки женятся, не взирая на отсутствіе калыма,—нужно только согласіе родителей невесты. Изъ общей суммы калыма половина выдается на руки женѣ. Часто невеста соглашается на фиктивную сдѣлку съ женихомъ, и не получаетъ на руки всей слѣдующей ей по брачному договору суммы. Въ случаѣ если мужъ отошлетъ ее къ роднымъ, калымъ не возвращается. Случаевъ измѣны со стороны женщинъ у абадзеховъ наблюдается мало. Жена находится въ полной зависимости отъ мужа, но въ семействахъ уорковъ пользуется большой свободой и самостоятельностью.

Семейная жизнь абадзеха въ настоящее время протекаетъ ровно и спокойно: жена сидитъ дома, хозяйничаетъ, онъ работаетъ въ полѣ, пасетъ скотъ и лошадей, торгуетъ, принимаетъ въ кунацкой гостей,—обычай самага широкаго гостепримства начинается всѣхъ очень тяготить своею разорительностью.

Во время болѣзни на больного вѣшаются амулеты, записки съ текстомъ изъ корана **). Во время тяжелой болѣзни, когда аульный лѣкарь признавалъ свое безсиліе, раньше употреблялось слѣдующее радикальное средство: родственники больного, попеременно присутствуя въ комнатѣ, не давали ему засыпать: били въ мѣдную посуду, у порога клали желѣзный предметъ, въ который каждый производилъ нѣсколько ударовъ; въ комнатѣ нарочно шумѣли, громко разговаривали, разодѣтыя по-праздничному дѣвушки пѣли и плясали.

Съ большимъ искусствомъ горскіе врачи лѣчили раны, при чемъ рѣдко прибѣгали къ ампутаціи, а исключительно прикладывали травы и мази.

*) Свободное крестьянское сословіе; нишъ нѣкоторые тльфокотли въ своемъ родовомъ достоинствѣ сравнивались съ уоркамп.

**) Иногда рѣжутъ черную курицу, варятъ ее мясо и даютъ его ѣсть больному.

Похороны производились по обычаю, торжественно: тѣло за-вертывалось въ саванъ и относилось на кладбище. Могила рылась не особенно глубокая, надгробный холмъ не отличался своею вы-сокою. Въ головахъ и въ ногахъ ставились и нынѣ ставятся тол-стые деревянные столбы; иногда они замѣнялись каменными. Моги-ла обыкновенно огорожена плетнемъ. На кладбищѣ, обнесенномъ высокою изгородью, растутъ нѣсколько дубовъ; но никакихъ попы-токъ запечатлѣть имя умершаго арабскою надписью мы не нашли.

У абадзеховъ отчетливо сохранились воспоминанія о язы-ческомъ культѣ. Представленіе о Единомъ Богѣ древнимъ аба-дзехамъ не было чуждо. Божество это они называли *Ахынъ*. При-носить жертвы Ахыну они собирались къ священнымъ дубамъ (*тхачоцъ*); здѣсь они рѣзали священную корову, старики призы-вали Ахына помочь народному бѣдствію, затѣмъ корова дѣлилась на части и тутъ же съѣдалась. О сожженіи жертвенныхъ остат-ковъ воспоминаній не сохранилось.

Легенда повѣствуетъ, что Ахынъ нѣсколько разъ посылалъ абадзехамъ, въ бытность ихъ еще въ долину Шахе, священную корову (*челытарюкъ*). Случалось это въ години бѣдствій. Покло-неніе дубамъ сохранилось до послѣдняго времени. Старый аба-дзехъ, Тухъ Едиговъ, въ Хакурино-хаблѣ, рассказывалъ намъ, что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ абадзехъ близъ Гойтх-скаго перевала говорилъ своимъ сыновьямъ: „вы исповѣдуйте свою религію, а я буду молиться по обычаю предковъ“—и хо-дилъ въ лѣсъ къ одному дубу, вокругъ котораго бѣлѣло множе-ство костей, и долго молился тамъ. Умеръ онъ ста десяти лѣтъ. Полковникъ Каменевъ, посѣтившій долину Псекупса непосред-ственно послѣ ея очищенія абадзехами, въ 1864 г., указываетъ *), что подобное лѣсное святилище существовало близъ Псефабе (Горячаго-Ключа), что множество жертвенныхъ костей у нѣкото-рыхъ дубовъ, а также личныя указанія знакомыхъ его старыхъ мирныхъ абадзеховъ свидѣтельствуютъ это **).

*) „Куб. Обл. Вѣд.“, 1864 г., № 35.

**) Кромѣ Ахына у абадзеховъ почитались слѣдующія божества: Шибле, богъ грома, Мезитха, богиня охоты, Тлебшь, богъ желѣза и оружія. Кромѣ этихъ боговъ абадзехи вѣрили въ вѣдьмъ и колдуновъ; они собирались на шабашъ на гору Соберъ-уашъ, недалеко отъ Ека-теринодара, близъ Азовской станицы. Клятва у абадзеховъ состояла въ призваніи бога Ахынъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: кляв-шійся втыкалъ въ землю палку, брался за нее и говорилъ: <Ахынъ, я сдѣлаю и т. д.>.

Слѣдовъ христіанства, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось открыть: почему-то всѣ старики настойчиво отвергали мысль, что ихъ предки могли быть христіанами. Дальнѣйшія изслѣдованія религіозныхъ воззрѣній абадзеховъ, вѣроятно, откроютъ остатки христіанства. Однако, слѣдуетъ отмѣтить любопытный фактъ, подтверждаемый и нашими личными путешествіями и самыми тщательными разспросами абадзеховъ,—во всей Абадзехіи нѣтъ никакихъ намековъ на существованіе церквей. Вообще, по нашимъ наблюденіямъ, остатки христіанскихъ древностей на сѣверо-западномъ Кавказѣ не переходятъ за линію, проведенную отъ Сандрипшскаго храма (въ 16 верстахъ къ юго-востоку отъ м. Адлера, Черноморской губ.) къ верховьямъ р. Урупа (въ Баталлашинскомъ отдѣлѣ Кубанской области), и нигдѣ въ литературѣ о сѣверо-западномъ Кавказѣ нѣтъ никакихъ намековъ на существованіе церквей къ сѣверу отъ вышеуказанной линіи, за исключеніемъ лѣтописнаго свазанія о постройкѣ церкви Богородицы въ Тмуторокани Мстиславомъ Чернымъ (Тмутороканскимъ, 1012 г.) и о существованіи тамъ же монастыря, основаннаго въ 1059 году Никонемъ, игуменомъ кіево-печерскимъ.

Магометанство насаждено среди черкесовъ крымцами: по словамъ кабардинскихъ преданій, по приказанію турецкаго султана, крымскіе ханы Девлетъ-Гирей и Хазь-Гирей (въ 1717 г.) распространяли исламъ огнемъ и мечомъ; при этомъ, по словамъ кабардинскаго преданія, многіе *шоены* (священники) были убиты, книги ихъ сожжены, пастырскіе жезлы ихъ расхищены, отчего даже произошла слѣдующая поговорка: „чтобъ твое имущество было расхищено, какъ расхищены были шогенскіе жезлы“ *). Магометанство пришлось вполнѣ по душѣ абадзехамъ, ибо воинствующая религія давала полный просторъ воинственнымъ наклонностямъ абадзеховъ. Моллы и эфенди, въ своемъ свирѣпомъ фанатизмѣ, были яркими сторонниками войны съ русскими, и нижніе абадзехи, которымъ первымъ пришлось притти въ столкновеніе съ русскими, послали къ своимъ единоплеменникамъ, верхнимъ абадзехамъ, не урковъ или знаменитыхъ тьфокотлей, а моллы и эфенди. На *мелкяме* (народное собраніе) часто рѣшающее слово принадлежало эфенди.

Въ настоящее время значеніе эфенди нѣсколько пало, благодаря тяжелому бремени, которое зульное духовенство возлагаетъ на свою паству: изъ отдаваемой духовенству десятой части

*) Шора Бекмурзинъ Ногмовъ. «Исторія адигейскаго народа», 45.

съ доходовъ, получаемыхъ добрымъ мусульманиномъ, одна треть должна распредѣляться между бѣдными аула; эфенди, однако, не выполняютъ этого въ точности, и этимъ вызываютъ неудовольствія среди народа. Паденію былого высокогаго положенія духовенства содѣйствуетъ и многочисленность расплодившихся эфенди. Должность эфенди получить нетрудно. Кандидатъ въ эфенди знакомится такъ или иначе съ содержаніемъ корана; экзамень сдается у кадія (благочиннаго), въ присутствіи помощника атамана отдѣла. Удовлетворительно сдавшій экзамень возвращается въ родной аулъ и назначается „состоять“ при какой-либо изъ многочисленныхъ аульныхъ мечетей. Иногда прибѣгаютъ къ слѣдующему способу доставить себѣ штатное мѣсто: молодой эфенди строить на собственные средства мечеть (большихъ расходовъ не требуетъ эта постройка, малымъ отличающаяся отъ обыкновенныхъ саклей); новая мечеть сначала посѣщается родственниками строителя, къ нимъ мало-по-малу начинаютъ примыкать ближайшіе сосѣди, за ними дальніе, и мечеть считается открытой, если наберется 50—100 прихожанъ. Тогда эфенди начинаетъ собирать съ нихъ десятину и править требы. Въ общемъ, абадзехское духовенство нельзя назвать богатымъ, что обусловливается „предложеніемъ, превышающимъ требованія“.

VII.

Эпическая поэзія абадзеховъ. Характеристика и значеніе былинъ о нартахъ. Былины о Шьбатвухъ, о женитьбѣ нарта Аргуна на княгинѣ Сатанай, о Саусурукъ (Сосрука), о Саусурукъ и нартахъ, объ Ашмевъ, о Хѣмышоко-Петеревъ.

Изъ искусствъ у абадзеховъ въ большомъ почетѣ была эпическая поэзія, пѣсни о нартахъ (богатыряхъ) и историческія пѣсни, въ которыхъ прославились подвиги князей, уорковъ, тльфокотлей въ какомъ-нибудь сраженіи. Подобныя пѣсни, очень часто импровизированныя, сопровождались игрою на *тишинъ* (родъ скрипки). Подобныя пѣсни слагались на подобіе слѣдующей, сложенной по случаю Взіюкекой битвы:

Шишакъ у него какъ солнце блистать,—

Какъ солнце онъ сіялъ у насъ—

Сражайся, Батгирей!

Унала плеть изъ руки, и самъ онъ упалъ,

Какъ луна западаетъ за лѣсъ—

Сражайтесь, храбрецы!

О, Батгирей, по тебѣ плачеть-убивается
Красавица, невѣста твоя, Гошемафъ!—

Сражайтесь, храбрецы!

„Отостимъ врагамъ!“ раздался общій крикъ,—

Сражайтесь, храбрецы!

Онъ былъ одѣтъ въ кольчугу, онъ храбро сражался—

Ишемафъ Батоковъ.

Ночью онъ охранялъ товарищей, какъ крѣпкая стѣна—

Анчекъ Ахеджаговъ.

Онъ раненъ былъ въ бокъ, но, схватившись за гриву коня,

Сражался съ врагами—

Бекъ-Мирза Ахеджаговъ.

У него лицо было, какъ желѣзо, и самъ онъ былъ,

Какъ желѣзо—

Берсегъ Едиговъ *).

Богатырскій эпосъ абадзеховъ, судя по записаннымъ мною образцамъ, не отличается самостоятельностью. Нѣкоторые нарты, выведенные здѣсь, фигурируютъ въ эпосѣ, напр., карачаевскомъ, кабардинскомъ, даже осетинскомъ.

Адигейскій былевой эпосъ есть общее твореніе западно-горскихъ племенъ; зерно же былинныхъ сюжетовъ, быть можетъ, восходитъ къ эпосу персидскому, какъ это превосходно доказано проф. Вс. Ѳ. Миллеромъ, напр., по отношенію къ сюжетамъ южно-русскихъ былинъ **). Намъ думается, что сравнительное изученіе былевого эпоса адигейскихъ племенъ и кабардинскаго, съ одной стороны, и эпоса карачаевскаго, осетинскаго и древняго южно-русскаго, съ другой, намѣтитъ нѣсколько параллельныхъ родственныхъ сюжетовъ въ эпосѣ этихъ столь различныхъ по происхожденію и составу своему племенъ.

Проф. Вс. Ѳ. Миллеръ прослѣдилъ судьбу нѣкоторыхъ героевъ и доказалъ, что и Владимиръ-Красное Солнышко, и Илья Муромецъ, и Соловей Разбойникъ, многіе факты ихъ жизни, напр., встрѣча Ильи съ сыномъ, котораго онъ никогда не видѣлъ, нѣкоторыя богатырскія ухватки, напр., приѣмъ „маханія татаринномъ“, и многочисленныя другія подробности походеній

*) Записана отъ князя Кэмгуя Ахеджагова въ аулѣ Бжедугъ-хаблѣ. Пѣсня эта въ болѣе полномъ видѣ приведена въ „Кавк. войнѣ“, Потто, т. I, стр. 577.

***) См. «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса», Вс. Ѳ. Миллера.

Ильи давно извѣстны иранскому эпосу, объединенному въ знаменитой „Шахъ-наме“—„Книгѣ царей“, персидской „Илиадѣ“, редактированной Фирдоуси. Отзвуки этой поэмы найдемъ и въ эпосѣ индійскомъ и въ эпосѣ кавказскихъ народовъ: на примѣръ, мотивъ борьбы съ сыномъ (судьба Рустема и Зохраба) извѣстенъ многимъ кавказскимъ племенамъ, въ томъ числѣ и адигейскимъ. Мнѣ отъ многихъ абадзеховъ приходилось слышать о существованіи въ ихъ нартской поэзіи сюжета, содержаніе котораго заключается въ томъ, что отецъ гдѣ-то родилъ сына-богатыря, впоследствии съ нимъ встрѣтился на полѣ битвы, и, убивши, узналъ о своей ошибкѣ. Къ сожалѣнію, никто мнѣ не могъ подробно передать содержаніе былины *). Задача изслѣдователя адигейскаго эпоса и заключается въ сближеніи нартскихъ сказаній съ русскими былинами, съ одной стороны, и осетинскими, грузинскими, персидскими сказаніями, съ другой. При этихъ только условіяхъ и возможно найти послѣднее звено цѣпи, связывающей былинные сюжеты кievскаго эпоса съ эпосомъ индійскимъ, ибо будетъ тогда точно опредѣленъ путь географическаго распространенія переходящихъ былинныхъ сюжетовъ.

Абадзехскія былины.

1. *Нартъ Шьбатнукъ.*

Нартъ **) Шьбатнукъ Строгий, славный воевода, наводившій страхъ на своихъ многочисленныхъ враговъ, не спросивъ ни у кого про путь-дорогу, выѣхалъ въ поле, на добычу. Скоро путь ему преградила мать Кубань-рѣка. Остановилъ лошадь Шьбатнукъ, вѣрѣеко подтянулъ подируги, сѣлъ на коня, ударилъ его плетью и переплылъ рѣку и выѣхалъ на Ангелинскій обрывъ. Увидаль онъ здѣсь пастуха нартовъ и табуны ихъ коней. Тихо приблизился къ нему Шьбатнукъ и сѣлъ ему на грудь. Проснувшись, пастухъ закричалъ: «Пусть выльзутъ глаза мои, что не видали тебя! пусть оглохнутъ уши мои, что не слышали тебя! Добро пожаловать, Шьбатнукъ! будь моимъ гостемъ: зарѣжу я для тебя четырехгодовалого быка и жирнаго барана, открою для тебя кувшинъ лучшаго вина (*самъ*)». Такъ сказалъ Шьбатнукъ пастухъ.

— «Нѣтъ», отвѣчалъ Шьбатнукъ: «кушай самъ на здоровье, угощай другихъ гостей, которые будутъ имѣть до тебя дѣло, а

*) Мною, впрочемъ, записана нижеприведенная былина съ сюжетомъ, напоминающимъ сказаніе о Рустемѣ—былина «Нартъ Сосрука».

**) Богатырь.

я не пировой человѣкъ: ѣду я по своему дѣлу, къ дому стараго Аладжука. Скажи, не знаешь ли дороги къ нему?»

— «Дорогой гость мой, дороги не знаю: живу я въ одиночествѣ; однако, слышалъ, что домъ Аладжука высокъ и далеко виденъ: стоитъ онъ на столбахъ, которые едва могли притащить изъ лѣсу восемь быковъ, а вышиною тѣ столбы по грудь лошади; огороженъ домъ высокимъ заборомъ изъ терновника. Въѣхать можно черезъ одни ворота. Много сильныхъ нартовъ проѣзжало въ эти ворота сватать Агуардъ, дочь Аладжука, и всѣ спотыкались о порогъ воротъ; вышиною же этотъ порогъ по грудь лошади твоей Фора. Споткнется твой Форъ, а дѣвица-то и увидитъ и застыдитъ тебя».

Шьбатнукъ сказалъ: «Не боялся бы я Бога, не отвѣдалъ бы я у тебя хлѣба-соли, локтемъ бы сразилъ тебя за такія рѣчи: не накликай на меня бѣды и не позоръ моего Фора». Сказавъ это, Шьбатнукъ ударилъ плетью Фора и отправился въ поле куда глаза глядятъ. Щитъ его блестѣлъ, какъ молнія, изъ-подъ копытъ высоко въ небо летѣли комья черной земли, двѣ гончія собаки бѣжали за лошадей, а охотничьи ястребы высоко летали подъ облаками: что собаки вспугивали, то ловили ястребы. Такъ три дня ѣхалъ Шьбатнукъ.

Наконецъ, пріѣхалъ нартъ на высокую гору; посмотрѣлъ: стоитъ высокій длинный бѣлый домъ; вокругъ густой терновый заборъ. У окна сидитъ красавица и шьетъ. Посмотрѣла красавица въ окно, вскочила и закричала: «Матушка! матушка! къ намъ ѣдетъ красавецъ-богатырь; никогда я не видывала такого красавца. Матушка! приготовься хорошо его встрѣтить и попотчевать: заката рукава по локти, а штаны по колѣна, и пеки и вари для желаннаго гостя кушанья и напитки. А сама я пойду ему навстрѣчу: съ почетомъ провожу его въ кунацкую, вымою бѣлье ему, оботру его загрязнившееся тѣло; расчесу ему его длинный чубъ». Шьбатнукъ уже приблизился къ воротамъ, уже въѣхалъ во дворъ, уже спрыгнулъ съ коня, уже подымается на крыльцо. Вышла тутъ мать Агуардъ и сказала: «Съ радостью принимаемъ тебя, дорогой гость. Если желаешь, дочь моя Агуардъ будетъ за тобою ухаживать». Шьбатнукъ сказалъ: «Я не пьяница и не гуляка,—я ѣду на собраніе нартовъ». Въ это время ворота заперли. Разсердился нартъ, что его заперли, вскочилъ на Фора, ударилъ его такъ, что столбы, подпиравшіе крышу, упали, сшибъ заборъ и уѣхалъ.

Три дня онъ ѣхалъ: щить его блестяль, какъ молнія, изъ подъ копыть высоко въ небо летѣли комья черной земли, двѣ гончія собаки бѣжали за лошадей, охотничьи ястребы высоко подъ облаками летали: что собаки вспугивали,—ловили ястребы. На третій день пріѣхалъ онъ къ кургану Харамъ-уасхъ (Грѣшн-ный курганъ). Посмотрѣлъ съ кургана и увидѣлъ собраніе нар-товъ. Здѣсь былъ славный Саусурукъ *), Альбеджъ, Аладжукъ, отецъ Агуардъ. Посмотрѣлъ Саусурукъ въ подзорную трубочку: увидѣлъ черную точку; посмотрѣлъ еще разъ: увидѣлъ могучаго нарта. «Это нартъ изъ Чирта», сказалъ Саусурукъ: «больше не-откуда явится такому богатырю. Если вѣжливо обойдется, го-стемъ будетъ; если врагомъ окажется, драться будемъ». Тогда всѣ нарты сказали: «одинъ верховой противъ общества не вой-ско». Въ это время подѣхалъ Шьбатнукъ, метнулъ копьемъ, и оно вонзилось въ землю; спрыгнулъ съ коня и привѣтствовалъ нартовъ. Тѣ его повели въ кунацкую и съ радостью предложили ему мяса и вина. Хотѣли копье его принести, но никто не смогъ его даже сдвинуть съ мѣста; взялись десять человекъ,—и копье не шелохнулось. Поднялся тогда Саусурукъ, подошелъ къ копью, помочился на него, раскачалъ и вытащилъ. Съ большимъ трудомъ, съ помощью остальныхъ нартовъ, онъ внесъ его въ кунацкую, и прислонили къ потолочной балкѣ: та треснула; положили на сун-дукъ: тотъ опрокинулся. «Чтобъ васъ подавило копье,—давайте его сюда!» сказалъ разсердившійся Шьбатнукъ и взялъ копье себѣ. Когда нарты напились, Шьбатнукъ сказалъ: «Принесите нѣсколько мѣшковъ подводныхъ орѣховъ, колючки, и наложите на полъ по колѣна». Повелѣніе гостя исполнили: наложили орѣховъ и колючки по колѣна. Тогда Шьбатнукъ сказалъ: «Потанцуйте, кто захочетъ». Но никто не захотѣлъ танцевать. Тогда Шьбатнукъ взялъ въ руки рогъ съ виномъ, поднялъ его на голову и, стоя у дверей, сталъ танцевать. Громъ и трескъ оглушилъ нартовъ, и они хотѣли удалиться, но ихъ не пустилъ Шьбатнукъ. Отъ тан-ца нарта двери сорвались съ петель, балки стали трещать и па-дать, и скоро вся колючка и орѣхи превратились въ муку. Уди-вились нарты и просили Шьбатнука перестать. Разсердился Шьбатнукъ и сказалъ: «Здѣсь не мѣсто мнѣ: здѣсь я пить и ве-селиться не хочу». Такъ онъ сказалъ, и поѣхалъ. Собрались нар-ты на совѣтъ, и рѣшили помириться съ Шьбатнукомъ. Отецъ

*) Карачаевскій Сосрука, кабард. Сосруко. Типъ богатыря, ана-логичный Ильѣ Муромцу.

Агуардъ сказалъ: «Кто вернетъ Шьбатнука, тому дочь свою Агуардъ дарю». Поскакалъ къ Шьбатнику одинъ нартъ,—тотъ отказался вернуться; поскакалъ другой—тоже отказался. Поскакалъ тогда Саусурукъ. Догналъ и сказалъ: «Сдѣлай мнѣ одолженіе: вернись къ нартовскому вѣчу, и ты принесешь мнѣ счастье: я возьму въ жены прекрасную Агуардъ».

Ради Саусурука Шьбатникъ вернулся. Нарты встали и привѣтствовали его. Шьбатникъ сказалъ имъ: «Только ради Саусурука я вернулся; съ вами же я не желаю имѣть никакого дѣла». Сказавъ такъ, Шьбатникъ уѣхалъ. Отецъ красавицы Агуардъ тогда отказался отдать ее Саусуруку. Тогда Саусурукъ сказалъ: «Я вернулъ Шьбатнука, но не обязался стащить его съ лошади. Ты не господинъ своему слову, и я уѣзжаю». Такъ онъ сказалъ и, ударивъ лошадь плетью, уѣхалъ. Отецъ Агуардъ опечалился: теперь противъ него было два знаменитыхъ нарта. Онъ захотѣлъ защитить себя, и пошелъ въ кузницу Тлещъ и закалилъ тамъ три стрѣлы. Узналъ объ этомъ Саусурукъ, и напустилъ на всю окрестность морозъ. Отецъ Агуардъ вышелъ было въ поле, споткнулся, упалъ, и сломалъ двѣ стрѣлы. Вернулся тогда онъ домой, указалъ дочери на обоихъ нартовъ, Шьбатнука и Саусурука, и сказалъ: «Кого желаешь видѣть мертвымъ?» Агуардъ показала на Саусурука, который находился подъ горою. Агуардъ сказала: «Стрѣляй!» Отецъ Агуардъ подумалъ такъ: «слѣдуетъ всегда поступать вопреки желанію женщины». Выстрѣлилъ въ Шьбатнука, и отсѣкъ ему голову. Она скатилась внизъ и подкатилась къ воротамъ, къ ногамъ Агуардъ.

«Стой, Шьбатникъ!» сказала рыдая Агуардъ: «я тебя омою, заверну въ чистое полотно и отошлю матери твоей». Такъ она сказала, такъ она и сдѣлала.

Убивши одного врага, отецъ Агуардъ сталъ преслѣдовать Саусурука и довелъ его до того, что тотъ рѣшился вмѣстѣ съ лошадью притвориться мертвымъ: легъ на дорогу и пересталъ дышать. Услышавъ о смерти Саусурука отецъ Агуардъ и не повѣрилъ: послалъ нартовъ пробуравить тѣло Саусурука черезъ пятку и достать мозгу изъ головы. «Тогда я повѣрю, что Саусурукъ мертвъ». Пробуравили нарти тѣло Саусурука, достали мозгу, принесли отцу Агуардъ: понюхалъ тотъ и сказалъ: «А надалъ! не только не мертвъ, но и сердце бьется!» Агуардъ сказала: «Не только мертвъ, но уже смердитъ!» Сѣлъ на коня отецъ Агуардъ и поѣхалъ самъ посмотрѣть на тѣло Саусурука. Подѣхалъ и уда-

рилъ по костямъ: въ одинъ мигъ вскочилъ Саусурукъ и однимъ ударомъ отсѣкъ голову отцу Агуардъ. Затѣмъ пріѣхалъ къ Агуардъ и женился на ней.

2. Женитьба нарты Аргуна на княгиню Сатанай.

Собрались нарты на вѣче и рѣшили похитить княгиню Сатанай. Не было на вѣчѣ одного только нарта Аргуна. «Гдѣ Аргунъ?» спросили нарты.—«Аргунъ между Улемъ и Лабой пасеть свиней». Послали за нимъ гонца. Пріѣхалъ къ Аргуну гонецъ, а тотъ не хочетъ ѣхать,—велитъ ему пересчитать свиней. Считалъ, считалъ гонецъ,—не могъ всѣхъ пересчитать. Вернулся гонецъ ни съ чѣмъ. Послали второго,—вернулся и этотъ съ пустыми руками. Послали третьяго: тотъ сосчиталъ и остался пасти свиней, а Аргунъ съѣлъ сто ложекъ каши, восемьсотъ колбасъ, осѣдлалъ своего коня Суехучъ, и поѣхалъ. Увидавъ его, нарты привѣтствовали его. Затѣмъ всѣ поѣхали похищать княгиню Сатанай. Увидали нарты во время пути, что конь Аргуна ихъ опережаетъ, что онъ только шагомъ идетъ, а ихъ кони рысью бѣгутъ, и побоялись, что Аргунъ раньше пріѣдетъ и украдетъ Сатанай. Рѣшили они погубить его лошадь. «Нартъ Аргунъ», сказали они: «лошадь твоя хранишь: завяжи ей ноздри». Послушался Аргунъ,—завязалъ ей ноздри башлыкомъ, и такъ стянулъ, что лошадь задохлась и упала. «Что я сдѣлалъ! задушилъ своего добраго коня!» закричалъ Аргунъ. А нарты посмѣялись и дальше поѣхали, а Аргуну сказали: «У кого лошади нѣтъ, тотъ и участвовать не можетъ въ похищеніи Сатанай!»—«Хорошо», сказалъ Аргунъ: «у меня будетъ лошадь, и я буду участвовать въ похищеніи Сатанай!» Связалъ онъ ноги своей мертвой лошади, взвалилъ ее на плечи и пошелъ догонять нартовъ. Видятъ они: догоняетъ ихъ Аргунъ,—прибавили они рыси. А онъ шагаетъ,—каждый шагъ—полетъ стрѣлы: перегналъ всѣхъ и скрылся изъ виду. Подъѣзжаютъ нарты къ аулу: видятъ, идетъ къ нимъ навстрѣчу Аргунъ, несетъ на плечахъ коня, а на конѣ сидитъ княгиня Сатанай. Посмѣялся онъ надъ нартами. Стыдно стало тѣмъ: повернули они въ горы. Вернулся онъ домой съ молодой женой. Прожилъ съ нею семь лѣтъ. Она родила ему сына Сосрука.

3. Нартъ Сосрука (по-абадзехски Саусурукъ).

— Дорогой мой Сосрука, милый мой сынъ Сосрука!
Бѣлое лицо, богатырь въ стальномъ панцырѣ,

Храбрый изъ храбрыхъ; въ твоихъ сильныхъ рукахъ
Мечъ головы, какъ макъ, сѣчетъ! Расскажи мнѣ,
Что видѣлъ на свѣтѣ?»

Отвѣчалъ матери Сосрука, разсердившись:

«Работай, мать, своими ножницами: не женское то дѣло —
знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ».

— «Не хочу я жить послѣ такихъ словъ», сказала княгиня Сатанай: «я тебя поила волчьимъ молокомъ, я тебя грѣла на дубовомъ жарѣ, а ты мнѣ говоришь такія грубости». Взяла она ножницы и хотѣла ими горло себѣ перерѣзать. Но Сосрука сказалъ: «Ножницы! сдѣлайтесь свинцомъ!» Ножницы сдѣлались свинцомъ. «А ты, мать, сдѣлайся твердой, какъ дубовый стволъ!» И княгиня Сатанай сдѣлалась твердой, какъ дубъ, — и осталась въ живыхъ.

Стыдно стало Сосрукѣ, что онъ обидѣлъ мать, и сказалъ онъ: «Былъ я въ полѣ; увидѣлъ тамъ два ханскихъ войска. Выѣхалъ оттуда нартъ. Я погнался за нимъ, и не могъ догнать. Повернулъ я назадъ. Оглянулся: онъ за мной скачетъ. Шагу я не сдѣлалъ, а онъ догналъ меня. Его *челюохъ блснажъ* (лысый конь) летѣлъ надъ землей какъ вѣтеръ. Налетѣлъ на меня и придавилъ меня съ моимъ буланымъ къ землѣ. Упалъ я съ коня и локтями пропахалъ семь глубокихъ бороздъ по землѣ. Вынимаетъ онъ свою шашку и хочетъ мнѣ голову рубить. Я сказалъ ему тогда: «По-времени рубить мнѣ голову. Назначь урочный день, и я приѣду, а сегодня не мѣшай нашему пиру, который устроили нарты». Онъ сказалъ: «Нарты въ срокъ никогда не отказываютъ. Назначаю и я тебѣ срокъ — завтра въ полдень будь у Соберъ-Уаша» *). Такъ онъ сказалъ, и отпустилъ меня, а я поѣхалъ домой».

Княгиня Сатанай очень опечалилась. Пошла въ конюшню и говорить буланому коню своего сына. «Ты виноватъ въ сегодняшнемъ позорѣ моего сына: ты допустилъ, что его нартъ догналъ и сбилъ тебя съ ногъ». И хотѣла она его зарѣзать ножницами. Конь отскочилъ и сказалъ ей: «Не убивай меня, а послушай! Возьми свой талисманъ, что блещетъ, какъ солнце, и укрѣпи его на груди своего сына, а чтобы талисманъ не было видно, шей ему новую верхнюю одежду. Мнѣ же на гриву и на хвостъ навяжи сто колокольчиковъ. И если завтра мы не привеземъ тебѣ головы чужестраннаго нарта, даемъ тебѣ волю отсѣчь намъ обоимъ головы». Такъ онъ сказалъ. Такъ и сдѣлала княгиня Сатанай.

*) Гора близъ станицы Азовской.

Сосрука на другой день поѣхалъ къ горѣ Собрерь-Уашъ. Близко гора. Видитъ Сосрука: стоитъ у подошвы горы всадникъ, ждетъ его. Распахнулъ Сосрука верхнюю одежду: какъ солнце, засіялъ талисманъ. Замоталъ головою буланый и замахалъ хвостомъ: зазвенѣли звонки на сто полетовъ стрѣлы: испугался Алюнь, конь пноземнаго нарта: рванулся въ сторону.

«Чего испугался, кляча?! бабьихъ хитростей!» крикнулъ нартъ, и дернулъ за уздечку такъ, что губы порвалъ. Паль конь на заднія ноги, и опрокинулся, — и всадника придавилъ. Сосрука спрыгнулъ съ коня и отсѣкъ противнику голову. Привезъ онъ эту голову домой и показалъ матери. Та опечалилась и сказала: «Горе мнѣ! что ты сдѣлалъ? Это голова твоего двоюроднаго брата: это сынъ моей сестры, единственный сынъ! У него былъ отцомъ Альбеджъ. Слава о силѣ и храбрости Альбеджа далеко прошла по свѣту».

Княгиня Сатанай собралась и со своими приближенными, съ богатыми дарами поѣхала къ сестрѣ. Приѣхала она, и никому не показывалась. На другой день приходятъ два джеуага *). Они начали пѣть свои пѣсни. Мать убитаго вышла и сказала имъ: «Не пойте: у меня горе: сынъ мой уѣхалъ, и не подаетъ о себѣ вѣсти: чуетъ мое сердце, что онъ погибъ. Вы бродите по свѣту, вы много видите и много слышите: расскажите, не видали ли вы моего сына? не слышали ли о немъ»? Джеуаги сказали ей все, что знали о поединкѣ ея сына съ Сосрукою и о его смерти. Рассказавъ это, они скрылись. Мать бросилась за ними, но княгиня Сатанай ее удержала. Горько рыдала неутѣшная мать, долго носила Сатанай и Сосруку. Но спустя нѣсколько времени успокоилась, и тогда княгиня Сатанай вернулась домой.

4. Сосрука и нарты.

Однажды Сосрука вернулся домой безъ добычи. Мать и ея приближенные сидѣли и плакали. «Чего вы плачете?» спросилъ Сосрука. — «Да вотъ, пока ты гдѣ-то ѣздилъ, наши нарты усидѣли домой вернуться съ богатою добычей». Сосрука пошелъ къ нартамъ и предложилъ передѣлить добычу, сообразно степени храбрости каждаго нарта. Тѣ не согласились, и предложили снова отправиться промыслить добычи. Ыдутъ нарты и забнутъ: это Сосрука на нихъ разсердился и навелъ сильный морозъ. Стали

*) Джеуагъ — странствующій пѣвецъ.

нарты просить Сосруку добыть огня. Добылъ нартъ огонь, бросилъ его въ воду: горить огонь еще ярче. Бросились нарты въ воду ловить его,—не дается. Вымокли всё, а морозъ еще сильнѣе ихъ щиплетъ: оледенѣли бѣдные, умоляютъ Сосруку согрѣть ихъ. Увидѣлъ Сосрука въ ущельѣ дымъ. Оставилъ онъ нартовъ въ пещерѣ, а самъ поѣхалъ къ дыму. Видитъ: большой костеръ изъ стволовъ сосенъ и пихтъ. Около костра лежитъ великанъ Еныжъ и спитъ. Сосрука, по совѣту своего буланого, подѣхалъ, слѣзъ съ коня, перелѣзъ черезъ Еныжа и взялъ головню. Проснулся Еныжъ, схватилъ Сосруку двумя пальцами, и ну его вертѣть, какъ палочку, то въ одну, то въ другую сторону. Неприятно стало Сосрукѣ между пальцами великана. Сталъ онъ просить Еныжа отпустить его.—«А ты кто»? спросилъ Еныжъ. «Я—Сосрука», отвѣчалъ Сосрука. Еныжъ засмѣялся и сказалъ: «Я много слышалъ о подвигахъ Сосруки и считалъ его великаномъ, а не такимъ маленькимъ, какъ ты. Ну, бери огня, сколько хочешь!» Взялъ Сосрука щипцами огня и привезъ въ пещеру. Обрадовались нарты, что Сосрука привезъ огонь. Приказалъ Сосрука жечь сѣдла и грѣть одну сторону тѣла. Нарты сожгли сѣдла, и не успѣли согрѣть другую сторону тѣла, и всё замерзли. Сосрука взялъ ихъ лошадей и всю добычу, и возвратился домой. Княгиня Сатанай съ радостью встрѣтила Сосруку, и пировали они семь дней.

5. А ш м е з ь.

Жилъ на свѣтѣ молодой нартъ Ашмезъ. Мать его не любила, а вотчимъ ненавидѣлъ. Плохо ему жилось дома. Однажды онъ попросилъ у матери кушанья, которое она приготовляла на меду. Ничего не дала ему мать, а все отдала вотчиму Ашмеза: Разсердился Ашмезъ, вынулъ мечъ и убилъ вотчима. «И тебя, мать, слѣдовало бы убить», сказалъ онъ. Но мать онъ не убилъ, а осѣдлалъ лошадь, надѣлъ отцовское вооруженіе и поѣхалъ куда глаза глядятъ. Приѣхалъ онъ къ большому лѣсу. Слѣзъ съ коня, зажегъ огонь и сталъ грѣться. Увидѣли огонь нарты Урзамезъ, Шьбатнукъ и другіе: послали узнать, кто это костеръ зажегъ. Вернулись нарты и сказали, что это сидитъ Ашмезъ и грѣется. Пришелъ скоро самъ Ашмезъ. Узналъ, что здѣсь Сосрука, врагъ его отца: не захотѣлъ сидѣть вмѣстѣ съ нимъ, и ушелъ въ лѣсъ, а оттуда въ сосѣднее селеніе. Тамъ онъ сообщилъ, что нарты собираются сдѣлать на него набѣгъ. Селе-

ніе было спасено отъ разграбленія. Пригласилъ Ашмезъ съ собою ѣхать Урзамеса. Поѣхали они въ то мѣсто, гдѣ когда-то былъ убитъ его отецъ. Видятъ: пасется табунъ золотогривыхъ коней. Хотѣли отбить его: хозяинъ не далъ. Ашмезъ поручилъ Урзамесу отбить лошадей, а самъ сталъ сражаться съ хозяиномъ табуна. Долго они бились, всѣ стрѣлы выпустили, сабли по рукояти изрубили. Три дня бились они, наконецъ Ашмезъ былъ убитъ. Нартъ взялъ трупъ Ашмеза, привезъ домой, прикрылъ соломой и легъ спать. Жена вышла въ поле, смотритъ: въ соломѣ будто огонь свѣтится. Открыла она тѣло Ашмеза, положила ему на грудь оселокъ, и нартъ воскресъ. Пригласила она его къ себѣ въ домъ, а сама пошла впередъ. Мужъ проснулся и сказалъ: «Я видѣлъ сейчасъ во снѣ, что Ашмезъ воскресъ и идетъ сюда». Жена сказала: «Ты, вѣрно, съ ума сошелъ. Спи себѣ спокойно». Заснулъ нартъ. Но скоро опять проснулся и говорить: «Видѣлъ я сейчасъ во снѣ, что Ашмезъ въ сѣни входитъ». — «Спи спокойно: никого нѣтъ», сказала опять жена. Заснулъ нартъ и, когда въ третій разъ проснулся, Ашмезъ стоялъ передъ нимъ. Отрубилъ ему Ашмезъ голову, взялъ съ собою все его добро, жену и поѣхалъ домой.

б. Хѣмышоко-Петерезъ.

Было Хѣмышоко-Петерезу отъ рожденія шесть мѣсяцевъ, когда однажды его мамки спеленали и положили въ колыбель и привязали, чтобы не выпалъ изъ нея. Петерезъ потянулся, разорвалъ путы, поднялся изъ колыбели и сталъ ходить. Женщины испугались и сказали: «Это не къ добру, что Петерезъ такъ рано сталъ ходить». Когда Петерезу было десять лѣтъ, сѣлъ онъ на коня. «Куда ты поѣдешь?» спросила у него мать. «Поѣду на рѣку Инджиджъ купать коня». Такъ онъ сказалъ и поѣхалъ на рѣку Инджиджъ. Близъ рѣки онъ услышалъ крики о помощи. Онъ сказалъ: «Если я не явлюсь на помощь, моему отцу не будетъ за пиромъ чаши». Поѣхалъ онъ на крикъ и увидѣлъ сходку нартовъ, о чемъ-то спорящихъ и кричащихъ. «Что вы тутъ дѣлаете? о чемъ кричите? о чемъ спорите?» спросилъ онъ. — «Малъ ты еще, чтобы знать объ этомъ», отвѣчали ему нарты. Разсердился Хѣмышоко-Петерезъ: направилъ на нартовъ своего коня и сталъ ихъ топтать: бросили нарты оружіе, бурки и пустились бѣжать. Когда онъ успокоился, они попросили его слѣзть съ лошади и рассказали ему про свое горе: они стояли теперь лагеремъ подъ стѣ-

нами крѣпости Дундукаль, но не могли ее взять: ровъ былъ семи саженой глубины, а стѣны семи саженой высоты. «Очень мало насъ», сказали нарты: «мы и послали за народомъ». Такъ сказали они мальчику. Подѣхалъ Хѣмышоко-Петерезъ къ крѣпости, осмотрѣлъ ее и сказалъ: «Надѣйтесь на меня: я сдѣлаю, что нужно. А теперь подымите меня, раскачайте и бросьте въ крѣпость». Раскачали его нарты и высоко бросили вверхъ: упалъ за стѣну Хѣмышоко-Петерезъ, и никто его не видалъ: была полночь. Петерезъ отворилъ ворота, и впустилъ нартовъ. Разграбили городъ нарты, набрали много добра и казны. Когда наступилъ срокъ дѣлать добычу, они отказались выдать Хѣмышоко-Петерезу его часть. Хѣмышоко-Петерезъ сказалъ имъ: «Не хотите добромъ отдать, такъ я вамъ буду мстить. Отомщу за смерть отца своего, котораго вы убили, отомщу и за Дундукаль».

Подумали-подумали нарты, и спросили у него: «Что же ты хочешь за кровь отца?»—«Хочу, чтобы вы выстроили лѣстницу до неба; хочу, чтобы вы достали мнѣ средство дѣлать погоду такой, какую захочу; выдайте мнѣ сорокъ молодыхъ нартовъ, которыхъ я убью за смерть отца; выдайте мнѣ сорокъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ; сдѣлайте мнѣ изъ масла шашлыкъ, наберите полную сѣтъ воды,—тогда я съ вами помирюсь». Долго думали нарты,—ничего не могли придумать, и рѣшили возвратить ему его долю добычи, а въ честь его пѣвцы сложили пѣснь.

VIII.

Политическое устройство Абадзехіа. Хабль, псухо. Сословія: уоркъ, тлъфокотъ, пшитъ, азатъ. Народныя собранія—*м-уча*. Зарожденіе идеи національнаго единства. Вліяніе наибовъ Шамили. Союзный договоръ (*дефтеръ*) 1841 года. Магометъ-Аминъ и *мякме*. Судъ по шаріату в по адату. Кровная месть.

Отношенія между сословіями у абадзеховъ, начавшихъ позже другихъ черкесскихъ племенъ жить государственною жизнью, если только можно назвать государствомъ союзъ (*бляга*) семи обществъ (*хабль*), были гораздо проще, чѣмъ у сосѣднихъ бжедуховъ или кабардинцевъ. Никто изъ потомковъ семи родоначальниковъ первоначальниковъ долины Тубе не возвысился до званія *тми* (князя), и всѣ они оставались *уорками* (дворянами). Число послѣднихъ значительно увеличилось, когда впоследствии къ абадзехамъ стали прибывать бѣглецы изъ Кабарды, Ногай, Крыма. Абадзехскіе уорки были нѣсколькихъ степеней: уорки,

такъ сказать, перваго класса—*тлехотль*, или *тляхо-тляжъ*; уорки втораго класса, которые назывались *тль-фокотль*, жили вблизи жилищъ уорковъ перваго класса и были въ весьма призрачной связи съ уорками: тль-фокотлей можно назвать скорѣе свободными землепашцами, полукрестьянами, полудворянами; по рассказамъ стариковъ, нѣкоторые роды тльфокотлей возвысились до степени первоклассныхъ уорковъ. Тльфокотли были потомками пришельцевъ свободныхъ воиновъ, приселившихся къ обществамъ первоначальниковъ Абадзехин. Классъ же пшитлей (пшитль—несвободный крестьянинъ) явился результатомъ завоеванія и покупки плѣнныхъ или ихъ потомковъ; дочь пшитля, выданная замужъ за пришельца, имѣла дѣтей несвободнаго состоянія. Кромѣ этихъ классовъ у абадзеховъ существовалъ довольно многочисленный классъ вольноотпущенниковъ (*азатъ*).

Уоркскія фамиліи у абадзеховъ были слѣдующія: Едыге, Бешукъ, Тлишъ, Цей, Ашенегъ-Косисъ, Кубе, Кoble. Баронъ Сталь*) называетъ еще слѣдующія выдающіяся абадзехскія фамиліи: Джаубатырь, Аджикляжъ, Унароко, Хатко, Аджимоко, Жандауръ, Баго Бейзруко, Берзекъ, Хатжакумуко, Азаметь, Атухо. Однако, нѣкоторые изъ нихъ, напр., Аджимоко (нынѣ Гаджемукovy), едва ли абадзехскія.

Уоркъ жилъ съ своимъ семействомъ въ аулѣ, населенномъ тльфокотлями, пшитлями и азатами; тльфокотли состояли въ номинальномъ подчиненіи уорку: они ходили съ нимъ на войну, помогали уорку матеріально, напр., въ собираніи пени за убійство; послѣдній же обязанъ, въ свою очередь, былъ защищать тльфокотля, надѣлать его скотомъ и кормить во время голода. У абадзеховъ и у шапсуговъ, по словамъ бар. Сталя**), уорки имѣли меньшее значеніе, чѣмъ уорки у племенъ, имѣвшихъ иши (князей). Въ абадзехскихъ общинахъ (исухо), не имѣвшихъ уорковъ, народъ избиралъ себѣ старшинъ и управлялся самостоятельно.

Тльфокотль не былъ прикрѣпленъ къ землѣ, но имѣлъ право свободного перехода въ другое общество; при этомъ онъ долженъ былъ возвратитъ прежнему своему покровителю подаренный ему *уоркъ-тынь* (подарки уорка)***). Тльфокотль имѣлъ право

*) «Кавк. Сборн.», XXI, стр. 87.

**) Ibid., стр. 150.

***) Ibid., 150.

владѣть рабами (пшитль); при чемъ нѣкоторые тльфокотли, благодаря даровымъ рукамъ, были богаче урковъ. По обычному праву абадзеховъ, половина труда шитля принадлежала его хозяину. Последній «имѣлъ право продать или подарить все семейство крестьянина, но продажа семейства въ раздробленіе въ разныя руки не принята по обычаю», пишетъ бар. Сталь. «Всѣ крестьяне (пшитли) имѣютъ оружіе и владѣютъ имъ такъ же, какъ и дворяне. Положеніе ихъ не такъ тяжело, и обиженные крестьяне могутъ удалиться къ другому владѣльцу и просить его покровительства. Бывали (рѣдкіе, впрочемъ) примѣры мщенія обиженныхъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Бѣгство крестьянъ къ намъ очень рѣдко случается; все, что крестьянинъ имѣетъ, все, что онъ себѣ нажилъ, составляетъ его неотъемлемую собственность. Если владѣлецъ продаетъ крестьянина съ семействомъ другому владѣльцу, то все имущество крестьянина, какъ-то: домашній скотъ и лошади, остается собственностью прежняго владѣльца, исключая, впрочемъ, одежды и домашней рухляди. Покупающій семейство крестьянина можетъ купить у владѣльца весь скотъ крестьянина. Въ случаѣ смерти крестьянина, имущество его дѣлятъ его дѣти, и владѣлецъ въ это не вмѣшивается» *).

Абадзехскіе дворяне (уркъ), за рѣдкими исключеніями, не пользовались вліяніемъ дальше своей общины (неухо). Только вліятельная фамилія урковъ Едыге, жившая въ обществахъ (хабль) Тубе, Темъ-даши, Джанкотъ-хабль, имѣла особенный вѣсъ: ее и понинѣ абадзехскіе старики ставятъ на первомъ мѣстѣ при перечисленіи знаменитыхъ урковскихъ фамилій. Родоначальникъ фамиліи Едыге, по преданію, былъ татарскаго происхожденія: по словамъ одного сказанія, выходецъ изъ Крыма; явился въ Абадзехію вмѣстѣ съ Цеемъ; послѣдній былъ у него подручнымъ. Впослѣдствіи вокругъ Едыге собралась значительная и сильная община, всѣ члены которой получили имя Едыге. Аналогическое образованіе общинъ совершалось и въ другихъ мѣстахъ Абадзехіи послѣ того, какъ усилившіеся первоначальники долины Тубе спустились ниже по ущельямъ Бѣлой, Шехи, Шиша и Псекуса. Урки зарождались, кромѣ того, слѣдующимъ образомъ: какой-нибудь удалецъ изъ сосѣдняго племени съ шайкою товарищей садился гдѣ-нибудь на землю и налагалъ на окрестныхъ жителей

*) Ibid., 151.

дань. Эта дань и устанавливала дальнѣйшія отношенія между уоркомъ и тльфокотлями или пшитлями.

Судя по нѣкоторымъ преданіямъ о столкновеніяхъ между уорками и народомъ, мы должны допустить стремленіе абадзехскихъ уорковъ достигнуть званія и положенія шиши (князей), существовавшихъ у бжедуховъ, темиргоевцевъ, бесленеевцевъ, кабардинцевъ и нѣкоторыхъ другихъ адигейскихъ племенъ. Однако, свидѣтельства абадзехскихъ стариковъ указываютъ, что демократическое начало у абадзеховъ было достаточно сильно для того, чтобы усилія уорковъ остались тщетными: общины управлялись сами собой.

Нельзя, однако, признать, чтобы идея государственнаго единства имѣла большое развитіе у абадзеховъ. Это былъ народъ, едва вышедшій изъ семейнаго быта. Община (псухо), состоявшая, въ большинствѣ случаевъ, изъ разросшагося рода, распавшагося на семьи, принимавшія къ себѣ и пришельцевъ, являлась главной политической единицей, вполне независимой отъ такой же единицы; связью между ними были дружба, союзъ, родство. Нѣсколько небольшихъ поселеній, вѣрнѣе, хуторовъ (иногда до десяти) и составляли *псухо*. Каждое *псухо* управлялось своею мірскою сходкою—*за-уча*, на которой обсуждались и рѣшались всѣ вопросы общины. На мірской сходкѣ прямымъ образомъ участвовали всѣ дворяне общины, особенно большимъ вліяніемъ пользовались голоса почетныхъ старшинъ (*томата*) изъ знатныхъ уорковъ. Крестьяне присутствовали на *за-уча*, но права голоса не имѣли. У абадзеховъ самые знатные уорки (тляхо-тляжь) съ теченіемъ времени утратили авторитетъ даже на этихъ частныхъ собраніяхъ.

Большой толчокъ къ сплоченію отдѣльныхъ *псухо*, хаблей въ тѣсные отдѣльные союзы, а впослѣдствіи въ общій абадзехскій союзъ дала борьба съ русскими. Земельные вопросы, вопросы о войнѣ и мирѣ, улаживаніе споровъ между отдѣльными *псухо*, хаблями были предметами обсуждения на общенародномъ *за-уча*. Эти *за-уча*, продолжавшіяся иногда по нѣсколько мѣсяцевъ, какъ, напримѣръ, *за-уча* 1841 года на Пшехѣ, давали возможность передовымъ людямъ cadaго общества обмѣняться мыслями. Преданія сохранили имена нѣкоторыхъ народныхъ ораторовъ—Тапава Дунакай, Зеккерин Хатукова; такіе ораторы назывались «языкомъ народа»—*тле-цубзыкъ*. Однако, и эти общія народныя собранія имѣли характеръ скорѣе совѣщательный, нежели законо-

дательный. Только послѣ дѣятельности наибовъ Шамиля Хаджи-Магомета и Магометъ-Амина рѣшенія народныхъ собраній приобрѣли характеръ закона, какъ, напримѣръ, въ 1841 году, когда былъ выработанъ кодексъ правилъ *), имѣвшихъ цѣлью урегулировать политическую жизнь народа, его внѣшнюю и внутреннюю безопасность. Результатомъ народнаго собранія 1841 года было учрежденіе пяти народныхъ судовъ (*мякеме*). Впослѣдствіи, въ 1848 году Магометъ-Аминъ, посланный Шамилемъ къ абадзехамъ, которые, по словамъ Шамиля, его просили о присылкѣ наиба **), значительно упорядочилъ эти «мякеме». Магометъ-Аминъ принялся весьма дѣятельно за реформу абадзехскихъ народныхъ установленій. Онъ раздѣлилъ народъ на общины, по 100 дворовъ въ каждой; управлялись онѣ избранными народомъ старшинами. Всѣ общины составили четыре округа; въ каждомъ изъ нихъ было центральное управленіе, носившее названіе «мякеме». Это былъ цѣлый поселокъ: въ каждомъ «мякеме» находились мечеть, судъ, духовное училище, яма для заключенія преступниковъ и противниковъ новаго порядка вещей, помѣщенія для муфтія и трехъ кадіевъ, управлявшихъ и судившихъ въ своемъ округѣ, помѣщеніе для конной стражи (муртазаковъ), провіантскій магазинъ, конюшни. Все «мякеме» было обнесено валомъ и рвомъ.

*) Абадзехи, убыхи и еще нѣсколько береговыхъ мелкихъ племенъ заключили соглашеніе, по которому эти племена обязывались помогать другъ другу при внѣшней опасности и заботиться объ упрядоченіи политическаго строя жизни. Баронъ Сталь (стр. 166) приводитъ слѣдующій текстъ этого договора 1841 г. (дефтеръ): «Слава Богу, который насъ сотворилъ и показалъ намъ свое величіе, возвысивъ насъ надъ другими животными. Слава Богу, который намъ далъ всѣ средства жить счастливо на этомъ свѣтѣ и получить награду въ другомъ мѣрѣ; указавшему намъ истинный путь спасенія, вѣру истинную свою, черезъ пророка своего и посланника Магомета. Слава Богу, который есть нашъ защитникъ и спаситель въ день воскресенія. Мы хотимъ помочь всѣмъ неустройствамъ нашего края и не дѣлать зла другъ другу.

1. Наша первая обязанность есть строгое выполненіе шаріата. Всякое другое ученіе должно быть оставлено и отвергнуто, всѣ преступленія должны быть судимы не иначе, какъ по этой книгѣ (т. е. по корану).

2. Никто изъ насъ не долженъ идти къ невѣрнымъ; дружескія сношенія съ ними строго запрещаются, и потому всякій миръ, всякое предложеніе съ ихъ стороны должны быть постоянно отвергасмы. Кроме того не позволяется покушать что бы то ни было въ ихъ укрѣпленія, которыя стоятъ на нашей землѣ, и каждый, виновный въ этомъ,

***) Н. Карлгофъ. «Магометъ-Аминъ», стр. 84.

Всѣ служащіе въ немъ содержались на счетъ народа *). «Мягкеме» были на Бѣлой, Шехѣ, Шшишѣ и Псекупсѣ. Судъ у абадзеховъ издревле производился по обычаю. *Хассъ* слушалъ тяжущихся, заставляя ихъ клясться и постановляя рѣшеніе, которое безприкословно и принималось тяжущимися. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія анапскій губернаторъ Гассанъ-паша упорно принялся за насажденіе у ближайшихъ къ Анапѣ племень натухайцевъ (*натх-коаджъ*) и шапсуговъ суда по кораяу (*шаріатъ*). Черкесы оказали сначала Гассану-пашѣ сопротивленіе, но затѣмъ мало-по-малу, подъ давленіемъ эфенди и мулль, стали судить и по шаріату, при чемъ параллельно судъ производился и по адату, по обычному праву. Абадзехи до 50-хъ годовъ не могли забыть суда по адату, который былъ гуманнѣе суда по шаріату. По послѣднему, напр., виновнаго можно было сѣчь, побивать камнями, сбрасывать съ кручи, топить въ мѣшкѣ (особенно за убійство родителей), застрѣливать. По адату же виновный платился штрафомъ: за убійство уорка, напр., платилось 300 коровъ, а тльфокотля—200. По обычаю, преступникъ прибѣгалъ къ платити штрафъ въ 30 тумановъ (300 рублей). Тѣ, которые будутъ нуждаться въ покупкѣ вещей, должны ихъ доставать на границѣ (на мѣнновыхъ дворахъ въ Черноморіи).

3. Никто не долженъ смѣть предупреждать русскихъ каждый разъ, когда будетъ у насъ собраніе войскъ для набѣга. Кто донсестъ (какъ только этотъ доносъ обратится во вредъ намъ), долженъ заплатить за кровь, — если вольный, то 200 коровъ, если крестьянинъ, то 100 коровъ: кромѣ того заплатить штрафъ въ 30 тумановъ. Тѣ, которые перейдутъ къ русскимъ и служить имъ будутъ, какъ враги своего края, не будутъ имѣть ни они, ни ихъ родные никакого права на наше соотраданіе.

4. Если хаджретъ (бѣглый, бывшій раньше «мирнымъ») явится въ нашу землю, его особа священна: тотъ, который силою или хитростью отнимаетъ у хаджрета что нибудь, заплатить штрафъ, налагаемый вами за всякое воровство.

5. Когда народъ мусульманскій придетъ на нашу землю, чтобы раздѣлять намѣренія черкесскаго народа противъ общаго врага, то мы обявваемся обращаться съ этимъ народомъ дружески, и если нужно будетъ для устраненія всякаго недоумѣрія, то дать этому народу дѣтей нашихъ въ аманаты.

6. Внутренность cadaго жилья будетъ пенарушима; кто сотворитъ воровство въ чужомъ домѣ, заплатить, кромѣ штрафа въ 30 тумановъ, еще пеню въ 7 тумановъ. Если русскій бѣглый сдѣлаетъ воровство, то онъ платитъ только тройную цѣнность украденной вещи, но штрафа не платитъ».

*) Н. Карлгофъ. «Магометъ-Аминъ», стр. 85.

урку и просилъ его защитить, и уоркъ платилъ за него виру. Въ свою очередь, вся «псухо» платила виру за своего уорка. Кровомщеніе было въ большой силѣ до суда по шаріату. Черкесскія кровомщенія отличались своею жестокостью и продолжительностью: зачастую кровомщенія тянулись три-четыре поколѣнія. Иногда, казалось, роды примирились; но, по прошествіи нѣкотораго времени, старинная вражда вновь возгоралась, и кровь лилась съ обѣихъ сторонъ: не щадились даже дѣти, которыхъ или убивали или продавали убыхамъ, въ свою очередь перепродававшимъ ихъ въ Турцію. Нѣкоторыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ выдавали даже сами родственники, не желая платиться за кровавыя прихоти абрека. Существовалъ обычай, называвшійся *паучижь*: виновный въ убійствѣ иногда, наскучивъ преслѣдованіемъ или раскаявшись, являлся къ семьѣ убитаго съ повинной. Его торжественно вели за ауль. Привязывали къ дереву; палачемъ являлась или мать убитаго или ближайшій родственникъ. Иногда прощали убійцу; но подобные случаи наблюдались очень рѣдко. Абадзехи, вообще, смертной казни не любили: существуетъ даже передаваемое полк. Каменевымъ *) абадзехское преданіе, что пещеры, выдолбленныя въ песчаниковой скалѣ въ мѣстечкѣ Горячій-Ключъ (близъ котораго было *мякеме*, учрежденное Магометъ-Аминомъ), служили средствомъ для бѣгства преступниковъ, осужденныхъ на казнь. Преступника сажали въ одну изъ этихъ пещеръ, находящуюся на значительной высотѣ, и предоставляли ему уже самому изыскивать способы къ бѣгству. Существуетъ другое, противоположное предыдущему преданіе, что въ *мякеме* на Бѣлой, близъ Каменнаго моста, преступниковъ казнили, сбрасывая ихъ съ моста въ расщелину, въ глубинѣ которой реветъ Бѣлая **).

IX.

Историческій обзоръ борьбы абадзеховъ съ русскими. Первый періодъ — съ 1824 г. до появленія Магометъ-Амина (1848 г.). Второй періодъ — дѣятельность Магометъ-Амина (1848—1859 гг.). Третій періодъ — послѣдняя борьба (1859—1864 г.).

Писать исторію войны русскихъ съ абадзехами — значитъ писать исторію завоеванія Западнаго Кавказа, ибо рѣдкое изъ столкновеній русскихъ съ закубанцами, начиная Карачаемъ и кончая натухайцами, обходилось безъ участія то фарсскихъ аба-

*) «Куб. Обл. Вѣд.», 1864, 32.

**) Дроздовъ. «Покореніе Западнаго Кавказа», стр. 427. «Кавказскій Сборн.», 1877 г.

дзеховъ, то схатуашскихъ, то шпехскихъ, шишскихъ, псекупскихъ. Поэтому предлагаю здѣсь краткій перечень главнѣйшихъ боевыхъ событій на Западномъ Кавказѣ, въ которыхъ принимали участіе абадзехи.

Въ 1824 году, 8 марта, Кацыреву, помощнику Вельяминова въ охраненіи праваго фланга, донесли, что на Бѣлой собирается многочисленное скопище черкесовъ: онъ рѣшилъ прекратить его наступательное движеніе, и съ этою цѣлью предпринялъ туда движеніе съ ширванцами, съ линейными казаками и пятью конными орудіями. У рѣки, которая широко разлилась, произошла встрѣча съ абадзехами, густою массою занявшими опушку лѣса на противоположномъ берегу рѣки и открывшими оживленную перестрѣлку. Ширванцы и орудія отогнали черкесовъ отъ рѣки. Линейцы съ маіоромъ Дадымовымъ, извѣстнымъ всѣмъ горцамъ своею неустрашимостью, вилавъ переправились черезъ Бѣлую, сожгли сосѣдній аулъ, перегнали на другую сторону рѣки около двухсотъ головъ рогатаго скота. Кацыревъ съ триумфомъ вернулся на «линію». Въ октябрѣ того же года конная партія около восьмисотъ человѣкъ, состоявшая изъ бѣглыхъ кабардинцевъ и абадзеховъ, подъ начальствомъ извѣстнаго въ горахъ наѣздника темиргоевского князя Джембулата Айтекъ-Болотоко, двигалась изъ бассейна Лабы въ Кабарду, чтобы увести оттуда мирные аулы. Близъ деревни Сабль Джембулатъ отбилъ табунъ лошадей числомъ около трехъ тысячъ. Ногайцы попытались было его отбить, но были окружены абадзехами. Казачья команда есаула Попова поспѣшила имъ на выручку, но была также окружена на берегу р. Барсуклы. Казаки, около двадцати пяти человѣкъ, геройски защищались, но въ концѣ концовъ всѣ были изрублены абадзехами. Джембулатъ съ богатою добычею спокойно отступилъ въ горы. Полковникъ Побѣдновъ и полковникъ Исаевъ такъ характеризованы Вельяминовымъ, «краснымъ генераломъ», какъ его называли черкесы и кабардинцы, часто испытывавшіе на себѣ тяжелую руку этого по-истинѣ желѣзнаго человѣка: «уклоненіе войска донскаго полковника Побѣднаго отъ сраженія (съ Джембулатомъ) не позволяетъ имѣть къ нему ни малѣйшаго довѣрія, а потому кордонъ, состоящій подъ его начальствомъ, поручается командиру кубанскаго казачьяго полка подполковнику Степановскому. Не болѣе похвалы заслуживаютъ и дѣйствія полковника Исаева, который употребилъ все искусство, чтобы не встрѣтиться съ неприятелемъ. Подобныя дѣйствія также не внушаютъ довѣрен-

ности, и кордонъ, находившійся подъ его начальствомъ, поручается войска донского войсковому старшинѣ Грекову 14-му» *).

Въ іюнѣ 1825 года Вельяминовъ уже двигался къ мѣсту слиянія Курджинса съ Бѣлой, отражая нападенія абадзеховъ на обозъ. Цѣлью экспедиціи было истребленіе аула абадзехскаго уорка Хаджи Тляма. Ставши лагеремъ на мѣстѣ нынѣшняго города Майкопа **), Вельяминовъ заложилъ здѣсь укрѣпленіе, и въ августѣ, преодолевъ упорное сопротивленіе абадзеховъ, сжегъ аулъ. Отступая, онъ потерялъ болѣе ста тридцати человекъ убитыми и ранеными. Здѣсь былъ убитъ знаменитый Дадымовъ. Абадзехи въ конномъ и пѣшемъ строю въ кинжалы атаковали войска. Однако, эти нападенія не помѣшали отряду истребить огнемъ всѣ окрестные аулы.

Въ 1829 году Анапа была взята; но турки не хотѣли успокоиться, и послали Гассана-пашу поднять черкесовъ и обрушиться на «линію», но во-время принятія мѣры, выразившіяся, главнымъ образомъ, въ сосредоточеніи на черноморской и кавказской линіяхъ большого числа войскъ, остановили движеніе турокъ; однако, вышеупомянутый Джембулатъ Айтекъ-Болотоко продолжалъ свои набѣги на линію, и вынудилъ генерала Г. А. Эммануэля, покорителя Карачая (1828 г.), наказать горцевъ, и онъ разгромилъ обѣдлыхъ кабардинцевъ, бесленеевцевъ, темиргоевцевъ и абадзеховъ; черкесы понесли большія потери. Бассейнъ обоихъ Зеленчуковъ, обѣихъ Лабъ, Бѣлой до Курджинса былъ преданъ огню и мечу. Двѣсти десять деревень, огромные запасы хлѣба и сѣна уничтожены, захвачено много скота. Абадзехи были доведены, по словамъ бар. Сталя, до такой крайности, что за сѣбные припасы промѣнивали у насъ табуны, стада и предлагали на мѣну своихъ дѣтей ***).

Въ 1841 году, послѣ битвы на Фарсѣ со скопищемъ горцевъ, преимущественно абадзеховъ и темиргоевцевъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Ташава Хаджи Дунакая, генераль Зассъ рѣшилъ «линію» съ Кубани передвинуть на Лабу: эта линія была:

*) В. Потто. «Кавк. война», т. II, 548.

**) Майкопъ (собств. Меакопъ), собственно, есть небольшая рѣчка, впадающая въ 15 верстахъ выше города въ Бѣлую. Поляна Меакопъ (откуда русская передѣлка «Майкопъ»), по преданію, была впервые занята русскимъ укрѣпленіемъ, которое впоследствии было перенесено на мѣсто нынѣшняго Майкопа. Такъ мнѣ передавали абадзехи.

***) «Кавк. Сборн.», XXI, 164.

ограждена укрѣпленіями Зассовскимъ, Махашевскимъ и Темиргоевскимъ. Эта мѣра отодвинула абадзеховъ къ верховьямъ Бѣлой, Ходза, Псефира, Фарса: съ другой стороны, она пробудила идею солидарности всѣхъ черкесскихъ племенъ и вызвала вышеприведенный «дефтеръ» 1841 года. Эта же идея заставила абадзеховъ обратиться къ Шамилю съ просьбою прислать имъ наиба. Шамиль послалъ Хаджи-Магомета въ 1842 году. Наибъ произвелъ рядъ набѣговъ на лабинскую и зеленчукскую линіи, но вскорѣ умеръ, и въ 1845 году Шамиль прислалъ другого наиба, Солимана-эфенди. Но онъ не оправдалъ возлагавшихся на него всѣми черкесами богатыхъ надеждъ, и въ томъ же году уѣхалъ обратно въ Чечню. Оставшись безъ главы, горцы притихли: нѣсколько племенъ даже покорилось. Наконецъ, лѣтомъ 1846 г. четыре абадзехскія общества, Тубе, Темъ-даши, Джанкотъ-хабль и Дауръ-хабль, заключили съ нами первый мирный договоръ *).

Осенью 1847 года абадзехи отложились и собрались на горѣ Непсехи (Кунакъ-тау) въ большую партію; но это сѣорище, не имѣя руководителя и не умѣя выработать опредѣленнаго плана, разошлось, ничего не сдѣлавъ. Для острастки абадзеховъ къ нимъ было сдѣлано три набѣга (4 ноября, 14 декабря 1847 года и 10 февраля 1848 г.), много сѣна и хлѣба было сожжено, взято шестьдесятъ человѣкъ плѣнныхъ и много «баранты» **).

Въ концѣ 1848 г. къ абадзехамъ прибылъ замѣчательный по уму и настойчивости человѣкъ, въ теченіе десяти лѣтъ причинившій немало тревогъ русскимъ и пролившій немало крови, сражаясь за идею мюридизма и за самостоятельность черкесскихъ племенъ: это былъ Магометъ-Аминъ (Эминъ), наибъ Шамиля ***).

Родился онъ около 1818 г. въ Дагестанѣ. Семнадцати лѣтъ былъ уже въ числѣ мюридовъ Шамиля. Послѣдній въ бесѣдахъ своихъ въ Калугѣ рассказывалъ, что абадзехи присылали къ нему депутацію съ просьбою о назначеніи къ нимъ наиба; что никто изъ его лучшихъ наибовъ не согласился на его предложеніе принять этотъ отдаленный постъ и что Магометъ-Аминъ самъ вызвался отправиться къ абадзехамъ. Новый наибъ рѣшилъ сначала сплотить разрозненныя многочисленныя адигейскія племена, организовать внутренній порядокъ, создать своего рода войска, при-

*) Бар. Сталь, «Кавк. Сборн.», XXI, 169.

**) Ibid., 170.

***) Нижеслѣдующій очеркъ его жизни и дѣятельности составленъ по статьѣ Н. Карлгофа: «Магометъ-Аминъ».

обрѣсти артиллерію, и тогда только выступить противъ русскихъ. Что онъ сдѣлалъ для организациі внутренней жизни племенъ, сказано выше. Что касается военного дѣла, оно было организовано слѣдующимъ образомъ: каждый дворъ обязанъ былъ выставить по одному всаднику; очередные всадники не имѣли права отлучаться изъ аула безъ дозволенія и должны были являться на сборные пункты по первому призыву. Иногда же призывалось поголовное ополченіе. Хотя у горцевъ было достаточное число пушекъ, однако подвижныхъ орудій у Магометъ-Амина было только два.

Весною 1849 г. наибъ подчинилъ своей власти съ помощью абадзехскаго ополченія махосевцевъ, егерукаевцевъ, темиргоевцевъ и хатукаевцевъ. Дальнѣйшія его дѣйствія были остановлены отрядомъ генералъ-маіора Евдокимова (впослѣдствіи графъ); однако, онъ успѣлъ увлечь за собою урусскихъ кабардинцевъ.

Весною 1850 г. наибъ увлекъ большую часть бжедуховъ; другому его отряду удалось увлечь за собою оставшихся темиргоевцевъ. слѣдующій печальный случай много способствовалъ быстро усиливавшейся популярности Амина, искусно мирившаго шариать съ адатомъ. Двѣ новомарьевскія казачьи сотни шли къ Шелохскому посту *) на Б. Лабѣ на смѣну находившагося тамъ отряда. Недалеко отъ поста онѣ были окружены многочисленнымъ полчищемъ абадзеховъ Амина. Сбившись въ лоцинѣ, казаки отстрѣливались отъ насѣдавшихъ горцевъ, пока хватило пуль, и затѣмъ въ рукопашной схваткѣ всѣ погибли, изрубленные въ куски. Тревога, поднятая по всей лабинской линіи, заставила Амина отступить за Лабу. Въ октябрѣ онъ сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ увести въ горы башилбаевцевъ и съ Зеленчуковъ бѣглыхъ кабардинцевъ, напалъ на станицы Владимирскую и Вознесенскую и на постъ Куксинскій, но былъ отбитъ.

Лѣтомъ 1850 года Магометъ-Аминъ со своими абадзехами двинулся противъ шапсуговъ, не желавшихъ признать его власти: послѣ незначительнаго сраженія, не рѣшившаго побѣды, шапсуги присягнули наибу. Большая часть натухайцевъ тоже признала его власть. Въ концѣ года онъ уже вводилъ у убыховъ свое управленіе. Однако, послѣдствія показали, что власть наиба у такъ быстро покорившихся племенъ была очень шаткая: большая часть натухайцевъ отложила отъ него; въ 1851 г. ихъ примѣру

*) Между станицами Отважной и Ахметовской.

послѣдовали нѣкоторыя шапсугскія общества. Особенно постройка на абадзехской территоріи Бѣлорѣченскаго укрѣпленія уменьшила обаяніе Амина: она показала безсиліе наибо остановить поступательное движеніе нашихъ войскъ. Послѣдствіемъ этой постройки было добровольное возвращеніе темиргоевцевъ; даже часть абадзеховъ вошла въ сношенія съ русскими и допустила произвести съемку мѣстности вдоль р. Бѣлой до Майкопскаго ущелья. Слѣдующая неудача ускорила его паденіе: съ сильнымъ отрядомъ онъ бросился на Урупъ, чтобы переселить въ горы бесленеевцевъ съ ихъ новаго мѣстожителства при устьѣ Урупа въ горы. Отброшенный настигшимъ его Евдокимовымъ, Аминъ налетѣлъ на кавалерійскій отрядъ князя Эристова близъ знаменитыхъ Желтимесскихъ высотъ, и былъ разбитъ на голову. Тотчасъ же большинство присягнувшихъ ему племень отпало отъ него. Въ декабрѣ даже большая часть абадзехскихъ обществъ прислала въ Прочный-Окошъ депутацію изъ двухсотъ человекъ для мирныхъ переговоровъ.

Магометъ-Аминъ принужденъ былъ искать убѣжища у вѣрныхъ ему псекупскихъ абадзеховъ. Однако, умная рѣчь, сказанная имъ на народномъ собраніи и обѣщавшая въ скоромъ времени помощь Турціи, снова привлекла къ нему умы впечатлительныхъ горцевъ: абадзехи ему опять подчинились, убыхи звали къ себѣ, шапсуги и натухайцы колебались. Къ веснѣ 1853 г. онъ сдѣлался опять главнокомандующимъ почти всѣхъ черкесскихъ племень. Въ маѣ онъ попытался прорваться въ Карачай, но былъ отброшенъ Евдокимовымъ.

Вскорѣ происки Сеферъ-бея Зана, покровительствуемаго Турціей, заставили его временно отказаться отъ активнаго участія въ дѣлахъ, причемъ онъ объяснилъ абадзехамъ, очень его любившимъ, что, по порученію султана, долженъ передать свою власть Сеферъ-бею. Абадзехи сначала признали своимъ главою послѣдняго, но влѣдствіе его бездѣятельности вскорѣ отвергли его и избрали своимъ начальникомъ наибо. Магометъ-Аминъ съ партіей абадзеховъ тотчасъ же прорвался въ Карачай, заставилъ карачаевцевъ присягнуть себѣ; около Кисловодска уничтожилъ транспортъ съ прикрытіемъ изъ семидесяти человекъ, но, разбитый генераломъ Козловскимъ, принужденъ былъ вернуться въ Абадзехію.

Въ 1856 году произошелъ интересный поединокъ между Сеферъ-беемъ, шапсугами и натухайцами, съ одной стороны, и

Магометъ-Аминомъ, съ абадзехами, съ другой. Послѣ небольшой перестрѣлки, въ которой было убито и ранено съ той и съ другой стороны по нѣсколько человекъ, старшины рѣшили дѣло такъ: обоимъ претендентамъ на постъ главнокомандующаго всѣхъ адигейскихъ скопищъ отправиться въ Константинополь на судъ Порты. Оба согласились на рѣшеніе и дали клятву исполнить желаніе старшинъ. Аминъ исполнилъ свое обѣщаніе, и былъ арестованъ въ Константинополь, по настоянію нашего посольства, и сосланъ въ Дамаскъ. Сеферъ-бей же уклонился отъ исполненія своего обѣщанія. Въ концѣ 1857 года бѣжавшій изъ ссылки Аминъ былъ снова у абадзеховъ, но дальнѣйшія его наступательныя противъ насъ дѣйствія были парализованы постройкою укрѣпленія Майкопа и Хамкетовъ, что заставило окрестныя общества покориться нашей власти. Магометъ-Аминъ потерялъ надежду на успѣхъ своего дѣла, и 20 ноября 1859 г. торжественно присягнулъ съ абадзехами на подданство Россіи.

Умеръ Магометъ-Аминъ въ Турціи въ 1899 году, до смерти ежегодно получая отъ русскаго правительства пенсію въ десять тысячъ рублей.

Съ паденіемъ восточнаго Кавказа вниманіе русскихъ сосредоточилось, преимущественно съ 1861 г., исключительно на западномъ Кавказѣ. Евдокимовъ быстро закончилъ устройство станицъ между Лабой и Бѣлой, лѣса прорѣзавъ просѣками, что заставило абадзеховъ отступить еще дальше къ верховьямъ рѣкъ. Въ 1862 году послѣ ряда кровопролитныхъ стычекъ съ абадзехами, жившими по Шехѣ, Бѣлой, въ Даховскомъ ущельѣ, было занято пространство между Бѣлой, Курджипсомъ, Шехою и Шишемъ. Съ Ходза, Псефира и Фарса было переселено на плоскость около девяноста ауловъ. Въ 1863 г. много абадзеховъ, видя бесплодность борьбы съ русскими, стали выселяться на южный склонъ, а многіе и въ Турцію. Въ октябрѣ 1863 г. къ Евдокимову явилась многочисленная абадзехская депутація, которая и подписала договоръ, обязывавшій весь абадзехскій народъ къ 1 февраля 1864 года начать переселеніе на плоскость; прочіе же должны были въ 2½-мѣсячный срокъ покинуть предѣлы Имперіи.

Полковникъ Каменевъ, очевидецъ выселенія псекупскихъ абадзеховъ, повѣствуетъ объ этомъ фактѣ такъ *): «Въ сентябрѣ 1864 года наши войска, во главѣ которыхъ шелъ 74-й ставропольскій полкъ, отдѣльными колоннами начали движеніе вверхъ

*) «Куб. обл. вѣд.», 1867 г., № 39.

по Псекупсу и Шебшу, и почти безъ выстрѣла заставляли абадзеховъ покидать землю предковъ. Горцы, надѣясь до послѣдней минуты на помощь Турціи, не покидали ауловъ, не прекращали своего образа жизни, хозяйничали, и, застигнутые врасплохъ, не имѣли возможности уничтожить богатую жатву; запасы обмолоченнаго хлѣба, котлы, земледѣльческія орудія они сбрасывали въ овраги, минеральные ключи забивали хворостомъ и землю, воду въ колодцахъ портили трупами павшихъ животныхъ. Одинокіе абадзехи, разсчитывая на возможность скрыться отъ русскихъ глазъ въ неприступныхъ тущобахъ, и не думали оставлять родину; вполнѣдствіи многіе изъ нихъ погибли отъ голода, большая же часть была взята въ плѣнъ охотниками изъ казаковъ; только нѣсколько десятковъ, просуществовавъ въ горахъ нѣсколько лѣтъ, одичали и незамѣтно исчезли куда-то. Толпы выселенцевъ направлялись вверхъ по Псекупсу и черезъ Гойтхскій переваль спустились въ Туансе, гдѣ ихъ ждали суда для перевозки въ Турцію. На берегу моря устроился огромный рынокъ, на которомъ продавался не только скотъ, но и рабы, скунавшіеся мирными горцами и турками; цѣны стояли низкія: дѣвочки и мальчики до десяти лѣтъ продавались отъ 10 до 30 рублей, быкъ 3—5 р., корова 2—3 р. Рассказываютъ слѣдующій трогательный случай, характеризующій любовь горца къ родинѣ, къ коню и оружію: одинъ изъ абадзехскихъ воиновъ, прекрасно вооруженный и «доброконный», въ теченіе нѣсколькихъ дней искалъ покупателя для своей лошади и оружія; наконецъ, встрѣчая вездѣ низкую оцѣнку, обратился къ русскому офицеру: тотъ предложилъ все свое серебро—около 20 рублей. Сосчитавъ деньги, абадзехъ горько улыбнулся, возвратилъ ихъ офицеру; затѣмъ, вскочивши на коня, бросился въ море. Долго плылъ онъ на глазахъ всего рынка, борясь съ волнами, пока не скрылся подъ водою».

Въ настоящее время абадзехи разселены по всѣмъ черкесскимъ ауламъ Екатеринодарскаго и Майкопскаго отдѣловъ Кубанской области, большая ихъ часть живетъ въ послѣднемъ. Къ сожалѣнію, пока не существуетъ официальныхъ свѣдѣній о числѣ абадзеховъ, живущихъ въ Кубанской области. По тѣмъ даннымъ, что намъ удалось собрать въ посѣщенныхъ лѣтомъ 1901 года аулахъ, можно предположить, что это число не превышаетъ 5000 обоего пола, т. е. въ предѣлахъ Россіи осталась десятая часть общаго числа обитателей бывшей Абадзехіи.

А. Н. Дьячновъ-Тарасовъ.

